

Манускрипт

Автор:

Геннадий Марченко

Манускрипт

Геннадий Борисович Марченко

Выживший #3 Наши там (Центрполиграф)

Ефим Сорокин покоряет Лас-Вегас, но при этом в его услугах нуждается и Родина. Чтобы помочь СССР в войне, необходимо выкрасть сокровища из древнего индийского храма. Путешествие оказывается полным приключений, где герою то и дело приходится рисковать жизнью.

Геннадий Марченко

Манускрипт

В издательстве «Центрполиграф» выходят книги Геннадия Марченко

Цикл романов

ПЕРЕЗАГРУЗКА

ОБРАТНО В СССР

МЕНЯЯ ИСТОРИЮ

МИР УЖЕ НЕ БУДЕТ ПРЕЖНИМ

Цикл романов

МУЗЫКАНТ

МНЕ СНОВА 15...

НА ТУМАННОМ АЛЬБИОНЕ

ВРАЩАЯ КОЛЕСО САНСАРЫ

Цикл романов

ВЫЖИВШИЙ

ЧИСТИЛИЩЕ

ПОКОРЕНИЕ АМЕРИКИ

МАНУСКРИПТ

Глава 1

Кларк возился в загоне со своими любимыми лошадьми, а Кэрол сидела на веранде ранчо в прохладной тени навеса и кормила сына. Тот жадно припал к её

белой груди, по-хозяйски положив на округлую выпуклость свою крошечную ладошку. Сюжет словно сошёл с картины Леонардо «Мадонна с младенцем». Ломбард, глядя на это маленькое сокровище из-под длинных ресниц, нежно улыбалась, и весь её облик был пронизан заботой и любовью. Где та сексапильная фурия, что набросилась на едва знакомого русского в гостиничном номере?! И тем не менее даже в таком образе и без капли макияжа она была чертовски хороша!

Я со вздохом отнял от глаз окуляры бинокля. Да, Кэрол – бабёнка хоть куда, однако у меня была моя Варенька. Пусть за тысячи километров, но её письмо и маленькое фото во внутреннем кармане пиджака грели мне сердце. Вот такой я загадочный сам для себя персонаж. Имея массу вариантов склонить к сожительству не самых страшных женщин Америки, а зачастую и настоящих красавиц, до сих пор вздыхаю по простой советской комсомолке.

Но в данный момент меня больше волновали мысли о Люке. Вот почему я могу видеть своего сына только так, затаившись с мощным биноклем за скалой в паре сотен метров от ранчо?! Неправильно это, нехорошо. И ведь никому ничего не предъявишь! Правду знали только три человека: я, Кэрол и её врач.

Происходи дело в будущем, может, я и разорился бы на анализ ДНК, чтобы доказать своё отцовство. Но в этом времени я всего лишь нарвусь на скандал, суд, стану для всего Голливуда посмешищем, да и только. Так ещё и рассорю, чего доброго, Кэрол и Кларка, а у них вроде сложилась довольно крепкая ячейка общества. Правда, для Голливуда, где измены и разводы происходят на каждом шагу, такая любовь – своего рода редкость. Хотя, кто знает, может, Гейбл уже вовсю и погуливает от супруги, шпиона к нему не приставишь. Да и не нужно оно мне, это вообще их личное дело.

В прошлом месяце сыну исполнился год, а он всё ещё на грудном вскармливании. Моего отпрыска из будущего жена грудью кормила полгода, потом перешла на смеси, а в год он уже вовсю трескал пюрешки. Хотя я читал, что никакие смеси не заменят грудное молоко, так что пусть Люк сосёт, пока дают.

А мне пора ехать обратно в Лас-Вегас, откуда я вырвался буквально на пару дней. Дел невпроворот, и всё приурочено к торжественному открытию отеля Grand Palace, которое должно состояться на следующей неделе. Именно так после долгого раздумья я решил назвать своё детище. А тащить весь ворох

проблем приходится практически одному, потому как Вержбовский и Науменко решили, что «Русского клуба» им более чем достаточно. Честно говоря, я предполагал, что может случиться такая петрушка, учитывая, как в разговоре тот же Вержбовский не раз со вздохом упоминал, как хорошо он устроился в Нью-Йорке, климат которого подходит ему и его жене как нельзя лучше. А Науменко не мог бросить свой хутор на произвол судьбы, хотя и предложил, если что, отдать в моё подчинение нескольких парней. Я для виду повздыхал, про себя радуясь такому повороту событий, и сказал приятную для слуха компаньонов фразу, что на доходы с «Русского клуба» претендовать не собираюсь. Мол, радуйтесь своим пяти копейкам, а я со своего отеля рупь заработаю!

Год прошёл в таком напряжении, что, мысленно оборачиваясь назад, я невольно вздрагиваю. Даже не знаю, смог бы я повернуть такое во второй раз. Даже Павел Михайлович, видя, в какой запарке я нахожусь, на всякий случай снова предложил свою помощь, но я, выразив благодарность за сочувствие, с гордым видом отказался.

Между прочим, мой Павел Михайлович Фитин – всё-таки он раскрыл свою настоящую фамилию – оказался не кем иным, как руководителем внешней разведки СССР. В Штатах он задержался на месяц, выстраивая работу агентурной сети, после чего известил меня, что ему придётся вернуться в СССР, а в качестве связного вместо него остаётся помощник консула в Нью-Йорке Владимир Степанович Гурзо. В отличие от Фитина Гурзо не был посвящён в тонкости моей биографии, так что наше общение будет ограничиваться чисто деловой информацией.

Кстати, в нашу вторую встречу спустя неделю после знакомства Фитин отчитался по моим вопросам о Кржижановском, Куницыне и Варе. Первые двое, к счастью, были живы, но чалились в лагерях. Один – в Севвостлаге, второй – в Хабаровском ИТЛ. Я попросил, если будет возможность, передать им привет от бывшего сокамерника, добавив, что оба попали в неволю по недоразумению, и спросил о вероятности пересмотреть их дела... Фитин, нахмурившись, заявил, что меру их вины определил советский суд, предварительно во всём разобравшись, так что по пятнадцать лет они отсидят, никуда не денутся. Мне оставалось только принять это как данность. Не борзеть же, в самом деле, поперев буром на всю систему.

Что же касается Вари, то репрессии её, по счастью, не коснулись. Она так и трудилась в должности комсорга и до сих пор оставалась незамужней. Последний факт меня почему-то приободрил. Хотя, наверное, понятно почему.

– Павел Михайлович, а можно я ей письмо напишу?

– И как вы себе это представляете? Варя, я в Америке, сотрудничаю с иностранным отделом НКВД?

– Нет, таких подробностей указывать не буду. Просто напишу, что после побега из лагеря остался жив, более того, сдался органам, которые проверили мою историю и выяснили, что судья оказался чересчур строг. Статью переквалифицировали на менее серьёзную, и в данный момент я нахожусь на поселении... ну, скажем, на Алтае. А для правдоподобия отправить письмо из какого-нибудь алтайского посёлка, чтобы стоял соответствующий штампик.

– Эх вы по ней скучаете... У вас, простите, с ней что-то серьёзное было, с Мокроусовой?

– Дальше проводов до дома и поцелуя в щёку дело дойти не успело. Скучаю я по ней, Павел Михайлович, забыть не могу. Казалось бы, столько соблазнов в США, такие красотки в Голливуде, – тут я слегка поперхнулся, – такие красотки, а всё равно к своей тянет, к советской девушке, комсомолке.

– Что ж, похвально, Ефим Николаевич, похвально. – Взгляд Фитина потеплел. – Кстати, ваше дело действительно было отправлено на пересмотр. Правда, маячит срок за побег, да ещё на вас несколько трупов повесили по итогам лагерной потасовки. Но Лаврентий Павлович взял дело под свой контроль, а после того, как вы согласились с нами сотрудничать, вполне возможно, вообще будете амнистированы. Что же касается письма, я проконсультируюсь с вышестоящим руководством.

Письмо от имени Клим Кузнецова я всё-таки написал, добро Фитин от своего начальника получил, и корреспонденция диппочтой отправилась в СССР. В конверт, который должны были запечатать уже после перлюстрации, я вложил своё фото, сделанное якобы на фоне алтайской природы. На самом деле на арендованном автомобиле я съездил за пару сотен километров от Нью-Йорка, где проводник из местных жителей сфотографировал меня на мой же аппарат в

Гудзонской долине на фоне Катскильских гор. Правда, я постарался сделать так, чтобы пейзаж в случае чего нельзя было узнать, поэтому сразу позади меня крупным планом стояли сосны, сквозь кроны которых слегка просвечивала вершина ближайшей горы. Плюс подсуетился насчёт соответствующей одежки, хотя достать бушлат и сапоги оказалось на удивление не лёгкой задачей. Заодно постарался придать своему виду оптимизма, нежно так улыбаясь с топором в мозолистой руке. В письме, как и обещал Фитину, написал, что мне пришлось бежать под давлением обстоятельств, однако суд в дальнейшем это учёл и меня определили на пятилетнее поселение. И предупредил, чтобы она не вздумала никуда мчаться, как жена декабриста, ежели такая мысль возникнет у неё в голове, потому что и ей влетит по первое число за такое самоволие, и мне не поздоровится.

Через неделю, незадолго до своего отплытия в СССР, Фитин доложил, что текст и фото одобрены, а письмо ушло по назначению. На почте алтайского посёлка Алфёрове были предупреждены, что все письма на моё имя должны доставляться в местное отделение НКВД. Не минуло и месяца, как и впрямь в Алфёрово из Одессы пришло письмо от Вари. Я получил его ещё спустя месяц, уже из рук Гурзо. Понятно, после ожидаемой перлюстрации, следы вскрытия конверта были заметны невооружённым глазом. Пусть на этот раз и без фотокарточки, однако текст был написан с такой любовью и ожиданием грядущей рано или поздно встречи, что меня невольно прошибло на слезу. Хорошо ещё, что читал я его в одиночестве, не стесняясь проявления чувств. Варя была искренне рада, что я жив и здоров, писала, что очень переживала, не получая ответа на письма по месту моей последней отсидки, теперь же для неё мир засверкал новыми красками. Письмо я аккуратно свернул и спрятал в портмоне, где хранилось предыдущее послание от Вари, полученное ещё в Ухтпечлаге, а также уже довольно потёртая маленькая фотокарточка.

Однако всё это лирика, а главной задачей текущего момента оставалось возведение отеля-казино. Весьма кстати пришли оставшиеся деньги от Лэнса. Темнокожий мафиози не обманул, передал мне два транша по 250 тысяч в течение буквально трёх месяцев. Теперь имеющихся у меня средств на само здание, пожалуй, хватило бы, но в документацию были заложены также благоустройство прилегающей территории, закупка и установка мебели, сантехники и прочие мелочи, отравляющие жизнь порядочному бизнесмену.

После же встречи с мэром Лас-Вегаса Джоном Расселлом выяснилось, что я, оказывается, должен ещё построить и общеобразовательную школу на двести

душ, а кроме этого, ежегодно отчислять проценты с дохода отеля и казино на ремонт федерального шоссе 91, связывавшего Вегас с Калифорнией. И всё это не считая обычного налога. По местным законам владельцы игорных пристанищ обязаны выплачивать налог, базисом которого служил не оборот или прибыль казино, а количество столов, игровых автоматов и разновидностей представленных игр. Столы с карточными играми обходились в 25 долларов, рулетка – в 50, а слоты – в 10 долларов ежемесячной оплаты. 75 процентов от уплаченной суммы шли в бюджет Лас-Вегаса, а 25 процентов – в государственную казну.

– И не вздумайте уклоняться от уплаты налогов, мистер Бёрд, – строго глянул на меня Расселл поверх очков. – С государством такие шутки не проходят.

Ага, а то, что он внаглую потребовал построить школу и платить взносы на ремонт дороги, – это ничего, нормально? Вот жучара! Но идти в штыки с главой города я не собирался, поэтому мне не оставалось ничего другого, как принять навязанные условия. Тем более школу всё-таки строить будем, не бордель, дело, как говорится, благородное.

Эта встреча состоялась во время моего первого разведывательного визита в Лас-Вегас, когда я получил много полезной информации. Для начала я нашёл сведущего в этих делах человека из местных по имени Билл. Когда-то он работал на строительстве плотины, да так и завис в Вегасе, подрабатывая теперь, где только можно. Вот и на мне немного наварился, на один день став моим гидом.

Это был немолодой холостяк, щеголявший в ковбойской шляпе, то и дело прикладывавшийся к фляжке с каким-то пойлом. Однажды он и мне предложил глотнуть, но от одного только запаха голимой сивухи меня всего перекорёжило, и я вежливо отказался.

Казино, по словам моего проводника, здесь разрешали строить лишь в центре, на Фримонт-стрит. В городке уже действовали кое-какие заведения, куда могли заглянуть любители просадить энную сумму, от нескольких центов до тысячи долларов. Более крупные ставки были очень большой редкостью.

– В тридцать втором здесь открылся первый отель-казино The Meadows Supper Club, – рассказывал Билл, почёсывая заскорузлыми пальцами щетину недельной

давности. – Там заправлял Тони Корнеро со своими братьями. Год они жирели, а потом отель сгорел ко всем чертям. Может, и поджёг кто, теперь уже и не узнаешь. Потом-то его восстановили, но народ плохо шёл, и в тридцать седьмом братья решили от отеля избавиться. Тони снова решил попытать счастья, открыл казино на корабле в Тихом океане, но в прошлом году снова прогорел. Азарт не даёт ему спокойно спать, сейчас ты можешь встретить Тони уже в качестве игрока в каком-нибудь игорном заведении города, где он спускает последние деньги.

От своего нового знакомого я узнал, что в городке на севере штата под названием Рино некто Билл Харра в 1937-м учредил Bingo Club, а его заведения Harrah's Reno и Harrah's Lake Tahoe считаются одними из самых преуспевающих казино в США. Харра увлекается коллекционированием автомобилей. Там же обосновался Раймонд Смит, на пару с сыном организовавший пять лет назад Harolds Club. Ну и хорошо, думал я, пусть там и копошатся, а мы возьмём Лас-Вегас.

– Я бывал в заведении Харры год назад, – сделав очередной глоток, говорил абориген. – Тебе на заметку, парень... Знаешь, как он заманивает игроков? Человеку говорят, что, если он не намерен играть, может просто посмотреть на внутреннее убранство. При этом ему презентуют один доллар со словами: «Вы можете положить этот доллар в карман, а можете попытать счастья». Расчёт верный: как правило, человек этот доллар ставит и вместе с ним оставляет в казино ещё и свои доллары. Вот и я сдуру проиграл десятку.

И впрямь можно взять этот способ на заметку. В конце концов, Харра не оформил же на него патент, так что ничего противозаконного я не совершу. Ещё я выяснил, что если человек продувался в пух и прах, то, чтобы он не совсем уж сильно расстраивался, ему предлагали бесплатно провести время в кабаре. Либо послушать кого-то из известных исполнителей, которых тёзка моего гида тоже к себе завлекал солидными гонорарами.

На сегодняшний день в Лас-Вегасе было не очень много игорных заведений. Одно из них – Northern Club, принадлежавший Мэйми Стокер. Со слов Билла, она стала первой женщиной в Неваде, получившей лицензию на открытие игорного заведения, и при этом была образцовой женой и матерью.

Что касается разновидностей азартных игр, то наибольшей популярностью пользовались «фараон», рулетка, «блек-джек», «очко», «крэпс», «Клондайк»,

«стад покер» и так далее, не говоря уже об игровых автоматах. Бинго – это что-то вроде лото – также относилось к разряду популярных игр, но обычно её предпочитали уже немолодые люди.

Я слушал Билла и мотал себе на ус. Как-никак от своей затеи я и не думал отступаться, тем более что до визита к мэру я побывал и у губернатора штата Невада Эдварда Карвилла, преодолев на своём «корде» добрых 700 километров. Без одобрения губернатора проект не состоялся бы. Карвилл был мужиком сообразительным, сразу допетрил, что Невада может получить от моего заведения совсем не лишние плюшки. А заодно признался: он уже четыре раза посмотрел «Месть подаётся холодной» и ему весьма лестно, что столь известный человек решил затеять такой проект в подведомственном ему штате. А я добавил, что в перспективе хотел бы построить в Вегасе аэродром и – чего уж там – университет. Эта идея привела губернатора в совершеннейший восторг. Он, наверное, вообразил меня тайным миллиардером, готовым хоть завтра расстаться с парой сотен миллионов долларов.

Заодно в столице штата я решил вопросы с архитектурным управлением, где целую неделю знакомился с проектом отеля. К счастью, придраться было не к чему, в этой части тоже удачно получилось.

Всё вроде бы пока складывалось, но нужно заранее позаботиться о сообразительном помощнике на место менеджера в казино. Таким, чтобы имел опыт работы в игорном бизнесе. И пора бы уж подумать об охране моего заведения. В последнем случае на выручку всё же пришёл атаман, выделивший в моё распоряжение уже знакомую четвёрку – сыновей Фёдора и Демида, а также Василия и Алексея. Тем более что оклад ребятам я пообещал достаточный, чтобы не только они, но и их будущие семьи ни в чём не нуждались. Все четверо уже крутили с девками и, вероятно, к моменту завершения строительства могут стать семейными людьми. Ничего страшного, что жить пока придётся в Вегасе, это не самое ужасное место на земле, к тому же моими стараниями оно должно превратиться в шумный оазис, и земля здесь станет стоить на порядок дороже. А потомственные казаки смогут построить себе небольшой хутор или просто ранчо на окраине Вегаса и заняться по ходу дела разведением лошадок. А то ведь какой казак без хорошего скакуна?

Конечно, я, как приличный работодатель, сначала поинтересовался у самих казаков, готовы ли они на такие условия, и получил их принципиальное согласие. По взаимной договорённости, Фёдору предстояло возглавить охрану

отеля, за что он получал сверху ещё солидную прибавку. При этом я пообещал вытребовать для него разрешение на ношение оружия. Остальным носить при себе оружие без нужды, у них и без того кулаки пудовые. На случай же наезда конкурентов и прочих крупных неприятностей сделаем своего рода «оружейку». Легально приобретённые пистолеты – о «томми-ганах» я даже не мечтал – будут сразу же розданы охранникам, к тому же отделение полиции находилось всего в квартале от будущего отеля.

Что касается менеджера казино, то меня выручил Уорнер. Случилось это, когда я гостил у киномагната, подкинув ему ещё три собственноручно написанных сценария к фильмам «Храброе сердце», «Леон-киллер» и «В джазе только девушки». Писал чуть ли не ночами в целях экономии времени, словно какой-нибудь Владимир Ильич в лучшие годы. «Леон-киллер» был адаптирован мной под современные реалии, а для музыкальной комедии вместо ещё ныне совсем юной Нормы Джин, которая даже и не помышляла пока о псевдониме Мэрилин Монро, придётся искать другую актрису. В итоге, забегая вперёд, скажу, что главную роль отдали Энн Шеридан, которой пришлось перекрашиваться в блондинку. Это было немым моим условием как сценариста картины. Адам позже по телефону мне рассказывал, что его босс, читая сценарий комедии, едва не падал со стула от хохота. Главное, что деньги за сценарии я получил сразу, по 35 тысяч за каждый.

Думал, огребу и за песню, которую в оригинальной версии пела Монро, но тут я едва не облапошился. Когда напел первую строчку композитору, которому предстояла работа над фильмом, тот сразу же поднял брови:

– О, так это же I Wanna Be Loved by You из мюзикла тысяча девятьсот двадцать восьмого года!

Хорошо, я не успел заявить, будто сам сочинил эту вещь, некто свыше меня уберёг от позора. В общем, вопрос решили покупкой прав на эту композицию для исполнения её в картине главной героиней.

Ну а тогда, после того, как в разговоре с Уорнером я упомянул о своей проблеме, Джек Леонард куда-то позвонил, и через час я уже жал руку на вид моему ровеснику, подтянутому брюнету, которого звали Габриэль Шульц.

– Поверьте, Фил, лучшего менеджера вы не найдёте на всём Западном побережье, – заверил меня Уорнер. – Гэйб собаку съел на этом деле, можете на него положиться, как на самого себя.

Мы тут же обговорили с Шульцем условия будущей сделки и расстались довольные друг другом.

Во время этой встречи у нас как-то сам собой завязался разговор о роли евреев в киноиндустрии вообще и Голливуда в частности. Тут Уорнера почему-то потянуло на откровения.

– Видите ли, Фил, – говорил он, выпуская в потолок очередную струю дыма, – с еврейским исходом из Восточной Европы ничего нельзя было поделать, это диктовала сложившаяся ситуация. Но даже здесь, в Америке, предоставляющей людям всех национальностей, казалось бы, одинаковые шансы, мы остаёмся людьми второго сорта. Может, к нам относятся чуть лучше, чем к неграм, но и только. А Голливуд стал тем местом, где мы могли почувствовать себя на высоте. Киноиндустрия таила возможности, которые не могла предоставить ни одна другая деятельность. В ней не существует социальных барьеров. Да и начать своё дело можно практически с нуля. Мы с братьями начинали с открытия кинотеатра «Каскад» всего за несколько сотен долларов, а до этого вообще показывали фильмы шахтёрам на растянутых простынях. Важно, что мы, будучи сами эмигрантами, понимали, о чём мечтают другие эмигранты и рабочий люд, а потому смогли верно оценить потребности нового рынка. За счёт кинематографа мы смогли ассимилироваться в США. Мы не вхожи в коридоры власти, однако за счёт кино мы строим свою страну, свою собственную империю по образцу Америки, а самих себя – по образу и подобию процветающих американцев. Мы создаём ценности и мифы, традиции и архетипы великой державы и великой нации. Мы создали страну, где отцы всегда сильные, семьи – прочные, а люди – славные, открытые, жизнелюбивые и изобретательные, надёжные и порядочные. Это наша Новая Земля.

Спорить с Уорнером я не собирался. Будучи человеком XXI века, я прекрасно знал, что эта киноимперия будет процветать и через восемьдесят лет, так что эти люди сделали неплохое вложение в своё будущее и будущее своих потомков.

На роль управляющего отелем я пригласил Рэнди Стоуна, человека, тридцать лет отдавшего гостиничному делу в Лос-Анджелесе. Он дослужился до

отельера, но уже год, как вышел на заслуженный отдых. Остаток жизни этот ещё бодрый пенсионер собирался провести в своё удовольствие, но предложенный мной оклад заставил его пересмотреть взгляды на собственное будущее.

А вообще-то, если деньги останутся, куплю с десятков гектаров, так, на всякий случай. На одном из них за городом можно со временем поставить радиотехнический заводик по выпуску радио- и телевизионных приёмников. Тогда же, после запуска в строй отеля, займёмся и переманиванием из RCA товарища Зворыкина. Полагаю, от моего предложения он не сможет отказаться.

Были планы поставить в Вегасе и свою радиостанцию. Думаю, купить лицензию на определённую волну не составит труда. Ну и вышку забубенить немаленькую, чтобы мощности вещания хватало покрывать все Штаты. Нужно заодно покумекать над контентом, чтобы и новости, и музыка, и соответствующая политическая доктрина внушалась радиослушателям.

Когда я вернулся из своей первой поездки в Нью-Йорк, в целях очередного пополнения бюджета первым делом заказал в нью-йоркской типографии ФРС печать акций на миллион долларов и тут же пустил их в свободное обращение. Акции были сделаны на совесть, на бумаге с водяным знаком и шёлковой нитью. На одной стороне был изображён будущий отель, на другой – рулетка. Номинал каждой – тысяча долларов. Однако при всём при этом контрольный пакет акций оставался бы в любом случае у меня. Вернее, у зарегистрированной мной компании Bird Inc, то бишь «Бёрд инкорпорейтед», владельцем которой я являлся по всем документам.

Bird Inc я организовал как компанию-заказчик проекта, через которую должна проходить вся финансовая и юридическая отчётность, а в дальнейшем как юридическое лицо, владеющее контрольным пакетом акций предприятия. Возводить же отель-казино и школу должна строительная фирма «Братья Старетт и Экен», в рекордно короткие сроки построившая когда-то небоскрёб Эмпайр-стейт билдинг. Ознакомившись с проектом, представитель фирмы заявил, что объект будет сдан через девять месяцев. Смета составила миллион двести тысяч. Ещё триста тысяч долларов – стоимость возведения двухэтажной школы, сто тысяч – на благоустройство.

Шестиэтажный отель в виде подковы правильной круглой формы с обрезанной нижней частью был рассчитан на триста номеров, от одно- до трёхместных, а

также более бюджетных семейных. Внутри этой «подковы» планировалось построить большой бассейн для взрослых и поменьше для малышни. Ну а что, вдруг кто-то решит приехать всей семьёй? Даже наверняка такие будут. В казино, понятно, вход несовершеннолетним воспрещён, а чтобы родители могли спокойно просаживать семейный бюджет, не волнуясь за отпрысков, придётся создать так называемую детскую зону. Своего рода мини-Диснейленд с одной-двумя ответственными девушками и аниматорами. Чтобы и самые маленькие не чувствовали себя одинокими, и дети постарше могли выплеснуть свою энергию без опасности для собственного здоровья. Я решил, что до кучи желательно как следует продумать идею надувного городка.

Первый этаж отеля планировался нежилым, здесь, по моей задумке, должны располагаться спа-салон, спортивный комплекс, ресторан, пиццерия и прочие полезные заведения. Казино высотой в два этажа, способное принять одновременно около двухсот игроков, займёт левое крыло отеля, если смотреть со стороны парадного входа. Посетить его сможет любой желающий, прошедший фейс-контроль. Боюсь, что того же Билла, ставшего поначалу моим осведомителем, к моему заведению и на пушечный выстрел не подпустят. Впрочем, по старой дружбе могу за него походатайствовать. Помимо этого «однорукие бандиты» будут стоять на каждом этаже, чтобы человек мог при желании не толкаться в общей массе, а сыграть по-быстрому в своё удовольствие.

В другом крыле – концертный зал, только не с рядами кресел, а в виде расставленных по всему помещению диванчиков и столиков. По задумке выступления звёзд эстрады или стенд ап комиков будут проходить каждый вечер. Да-да, я решил развивать на своей территории стендап юмор, и у меня уже были на примете комики Милтон Берл и Джордж Бёрнс. Я как-то случайно оказался на одном из выступлений Берла в небольшом нью-йоркском клубе, и некоторые шуточки начинающего юмориста показались мне достаточно солёными. Да и держался он неплохо. Тогда у меня и зародилась мысль притянуть его в качестве стендапера в моём будущем отеле. Только нужно будет ему подсказать, в каком виде должны выходить тексты. Пусть почаще высмеивает американские порядки, бичует, так сказать, пороки и недостатки. Опять же, скрытая пропаганда. Только не нужно давить на парня слишком сильно, иначе он завтра побежит в ФБР с воплями: «Мой босс сочувствует коммунистам!» Аккуратнее надо, аккуратнее...

А чуть погодя я познакомился и Джорджем Бёрнсом. Это был уже достаточно известный комик, отметившийся ни много ни мало ведением прошлогодней церемонии «Оскар». Гонорары его на тот момент уже были довольно приличные, но это меня не останавливало. И Бёрнс сразу заявил, что постоянно тусить в Вегасе не намерен, поскольку далеко не уверен в перспективе превращения заштатного городка в Мекку игорного бизнеса. Но даже если он сможет выступать наездами хотя бы раз в месяц, тоже неплохо. Да и такая конкуренция более молодому Милтону не помешает.

Дизайном занималась компания Kraft, оценившая свои услуги в 150 тысяч. Я не преминул им указать, чтобы они озаботились установкой кондиционеров в половине номеров отеля. Летом в Неваде такая жара, что хоть целый день не вылезай из бассейна, так пусть в номерах будет комфортно, хотя оборудованные кондиционерами номера должны стоить дороже. Правда, современные охлаждающие воздух системы от «Дженерал электрик», как я уже имел возможность убедиться, были ещё далеки от своих более технологически выверенных потомков и представляли собой большие, бешено гудящие моторами ящики. Но за неимением других вариантов сгодятся и эти.

Опять же, Луи Армстронг не забывал подкидывать авторские отчисления на мой счёт, а якобы две мои песни вошли в выпущенную им весной 1940 года пластинку. Мне было приятно держать в руках виниловый диск, упакованный в конверт, на обложке которого красовалось название альбома – Wonderful World, а рядом автограф самого Луи, пластинку он прислал мне лично.

Также в конце февраля 1940 года мне пришлось отлучиться в Лос-Анджелес на 12-ю церемонию вручения премий киноакадемии. Уорнер делал вид, что не особо рассчитывает на успех, хотя картина номинировалась почти по всем категориям. Но в итоге мой фильм взял сразу три «Оскара» в номинациях «Лучший оригинальный сюжет», «Лучшая операторская работа» и «Лучшие спецэффекты». Чуть больше статуэток, включая главные номинации, собрали «Унесённые ветром». А вот по сборам мы прилично опередили ставший легендарным в моей истории фильм Флеминга. Проценты с проката потекли на мой счёт незамедлительно. В то же время мне капало с проката предыдущих картин, которые кинотеатры всей страны продолжали гонять, выжимая из зрителей деньги. Только с них получалось порядка 50 тысяч ежемесячно.

Уже тогда я запустил рекламную акцию своего будущего казино-отеля. Тратил на это каждый месяц по 10 тысяч, оплачивая рекламу на радио и на страницах

газет. А вишенкой на торте стало фланирование над Нью-Йорком дирижабля с огромным баннером: «Акции отеля-казино Grand Palace в Лас-Вегасе – удачное вложение вашего капитала!»

Кампания возымела действие: в течение следующего полугода акции разошлись, и счёт Bird Inc пополнился очередным миллионом. Больше акций я решил не печатать, решив, что лучшее – враг хорошего. К тому моменту стройка выходила на завершающий этап, и я решил, что как только мы закончим с отелем, то приступим к возведению школы. Иначе Расселл с меня живого не слезет.

Поначалу офис моей компании располагался в Нью-Йорке. Юридическое сопровождение осуществлял не кто иной, как мой должник Фунтиков, а бухгалтером по рекомендации Лейбовица я взял Самсона Лившица, такого же новоиспечённого пенсионера, как и Рэнди Стоун. Причём пенсионная система в Штатах была учреждена только в 1935 году, так что и Стоун, и Самсон Израилевич отвалили на покой в нужное время. Насколько я помнил, потомки библейского Давида – прирождённые счетоводы, в моей компании в будущем тоже главбухом был некто Вахштайн и работал весьма толково. Вот и этот ветеран абакуса[1 - Абакус, или абак – счётная доска, ведущая свою историю со времён Древней Греции. Чуть более продвинутые версии используются в счёте до сих пор.] не обманул моих ожиданий. Поскольку в бухгалтерии я не слишком разбирался, то все финансовые операции повесил на Лившица, а тот со своей задачей справлялся будь здоров! При этом я на сто процентов был уверен в его честности. Ну так на то и аудиторы, чтобы бухгалтеры не дремали.

В Лас-Вегас приходилось летать всё чаще и времени там проводить всё больше. В итоге Лившицу пришлось также переселиться в Вегас, этот старый холостяк жил и работал в небольшом номере местной гостиницы, обложившись документами и счётами с деревянными костяшками.

На фоне тотальной экономии я всё же разорился на покупку личного средства передвижения. За две тысячи долларов в Нью-Йорке приобрёл с рук почти новый «Корд-810» 1937 года выпуска. Бежевый красавец пленил меня своими изящными формами и навороченной для этого времени начинкой, включая радиоприёмник «Моторола». Несущий кузов, передний привод, независимая передняя подвеска на поперечных рессорах, полуавтоматическая четырехступенчатая КПП, переключение передач на которой осуществляется маленьким рычажком через сложную систему электроприводов, складные фары

с механическим приводом, вакуумный усилитель тормозов и ещё много чего интересного. Под капотом был спрятан V8 Lycoming объёмом 4,7 литра и мощностью 125 лошадиных сил. При массе в 1700 килограмм он разогнался до 60 миль за 20 секунд. Для этих лет неплохой результат!

Правда, как честно признался бывший владелец, наездив всего 15 тысяч миль, он успел поменять ШРУСы, которые были самым слабым местом машины. Поэтому я по старой памяти наведалься в мастерскую Джордана, где его парни за вполне приемлемую цену заменили шарниры на самопальные, но при этом гарантируя, что продержатся они как минимум 150 тысяч миль. Первой проверкой стало путешествие в Вегас, и автомобиль его с честью выдержал. Теперь по мировой столице игорного бизнеса, коей город грозил стать в скором будущем, я раскатывал исключительно на «корде».

Вот и на ранчо к семейке Гейбл в долину Сан-Фернандо я отправился на теперь уже своём любимом средстве передвижения. И сейчас неторопясь ехал обратно, опустив стекло со своей стороны и подставив лицо более-менее свежим потокам воздуха. Притормозить меня заставила одиноко бредущая вдоль пустынной дороги фигура. Судя по узорчатому пончо и заплетённым в две косы до пояса чёрным, смоляным волосам, из которых торчало орлиное перо, это был индеец. Из всех вещей у него, похоже, была лишь болтавшаяся на спине котомка.

– День добрый, мистер! Вас подвезти?

Он повернул ко мне своё изборождённое морщинами лицо. Ого, да ему лет семьдесят, если не больше. А по походке и прямой спине и не скажешь.

– Вообще-то в свой последний путь индеец племени кауилья отправляется пешком, – проскрипел он на вполне приличном английском, демонстрируя не менее приличные для такого возраста зубы. – Но, так уж и быть, духи меня не осудят, если мои старые ноги немного отдохнут.

Я изнутри открыл ему правую переднюю дверь, приготовившись вместе с пассажиром впустить внутрь запах немытого тела, но вместо этого, словно откуда-то издалека, донеслась сложная гамма ароматов, из которой моё обоняние не смогло выловить ни одной знакомой ноты. И это было удивительно!

– Куда едем? – спросил я, когда старик захлопнул дверцу.

– Прямо, – ответил он, глядя вперёд, так что я мог лицезреть его гордый орлиный профиль.

– И как долго прямо?

– Ты поймёшь, где нужно будет свернуть.

Хм, ещё и свернуть! У дедушки губа не дура. Но у меня машина не вездеход, по крайней мере, не джип, которые пока вроде ещё не выпускают. Если дорога плохая, машину уродовать не стану, пускай старик топает пешком.

– Вас как зовут? – спросил я, чтобы как-то завязать разговор.

– На что тебе моё имя, белый человек? – ответил индеец, всё так же не поворачивая головы.

Однако дедуля прямо-таки нарываяется. Высадить его, что ли... Но тот неожиданно продолжил:

– Вчера ещё я был шаманом, или, как говорят мексиканцы, брухо своего народа, и звали меня Нуто. Я разговаривал с духом огня, просил его о помощи, когда моему народу было плохо. А сегодня я уже никто, кауилья без имени, и этой ночью дух огня заберёт меня к себе.

– Зачем заберёт? Как? – опешил я, даже отвлёкшись от дороги.

– Просто заберёт, – невозмутимо ответил индеец. – Есть время приходить в этот мир, есть время уходить.

– Ага, все мы гости в этом мире, – пробормотал я.

– Вчера вечером я понял, что настал мой черёд уходить к духам, – не обращая внимания на мою реплику, продолжил шаман. – Поэтому отправился в горы, чтобы провести последний обряд и воссоединиться с духом огня.

– Ну, с виду вы выглядите ещё вполне даже бодро, – промямлил я, не зная, что тут можно ещё сказать.

– Настоящий шаман знает, когда наступает его время. Перестав приносить пользу своему народу, он уходит к духам. Сегодня настало моё время.

Я понял, что спорить со стариком не имеет смысла. Если уж он вбил себе в голову, что должен покинуть этот мир, – бога ради! Не мне вмешиваться в их племенные дела. Ну, сделаю хотя бы доброе дело – довезу шамана, куда ему надо. Вот только где сворачивать? Старик сказал, что я сам пойму, но пока что-то никаких указателей с надписью типа «последнее пристанище шаманов» я не обнаружил.

И в этот момент меня словно что-то торкнуло. Впереди слева у обочины дороги стоял валун, на котором, расправив крылья, сидел огромный орёл. В лучах заходящего солнца эта композиция выглядела весьма аллегорично. Налево же вело едва заметное ответвление дороги, по которому, на мой взгляд, и машины-то никогда не ездили. Так, чуть натопанная тропка в пустыне.

– Здесь? – на всякий случай уточнил я.

Шаман даже не кивнул, но я почему-то понял, что да, сворачивать нужно в этом месте. Повернул руль, и под покрышками зашуршали камешки. Только бы не проколоть, думал я, иначе хрен отсюда выберешься. Машины по асфальтированной трассе ездили крайне редко, пока вёз старика, навстречу попался только один ржавый грузовичок-пикап. А после наступления темноты движение и вовсе прекратится. Да хорошо ещё, если недалеко от трассы прокол случится, а то где-нибудь милях в десяти встанем – и пиши пропало. Запаска-то была, и домкрат с набором гаечных ключей, но вдруг не получится поменять? Или будет несколько проколов, а запаска всего одна. Возиться с заплатками и клеим мне ну очень не хотелось. Хорошо хоть, бензина залил с запасом, да ещё в багажнике канистра на двадцать литров.

Мы двигались в сторону горной гряды, окрашенной в пурпурные цвета заката, и отчего-то волнение в моей душе медленно утихало. Суета последних месяцев уже казалась мне слишком незначительной, чтобы тратить на это нервы и время. А уж тем более деньги – зелёные бумажные прямоугольники, которые кто-то облёк властью над людьми. Правильно сказал старик: из праха пришли – в

прах обратимся. Ну или примерно так...

– Стой!

Я надавил на педаль тормоза, выходя из прострации. До подножия гор оставалось несколько километров, и мне казалось, что мы направляемся именно туда. Но мы остановились возле огромной кучи сухого валежника, неведь каким образом оказавшегося здесь, посреди каменистой пустыни.

Выбравшись из машины, шаман бросил свою котомку на землю и замер, закрыв глаза и глядя в направлении исчезающего за горизонтом солнца, словно прощаясь с ним. Руки с открытыми ладонями он скрестил на груди, а лёгкий ветерок безмятежно колыхал перо в его волосах. Длилась эта медитация минут пять, и всё это время я стоял позади него, боясь даже дыханием нарушить торжественность момента.

Наконец старик выдохнул, открыл глаза и не без удивления посмотрел на меня.

– Ты ещё здесь, бледнолицый?

– Ладно, уезжаю, извините, что помешал...

Я открыл водительскую дверцу, но шаман меня остановил:

– Подожди.

Он устало сел прямо на землю, скрестив ноги, его плечи поникли, сразу выдавая возраст. Я присел рядом, опираясь на левую руку, в более удобной мне позе, ожидая продолжения.

– Я приготовил эту кучу хвороста несколько месяцев назад, – сказал старик, не поворачивая головы в мою сторону. – Знал, что скоро уходить, поэтому решил подготовиться заранее. Мой отец так же ушёл к духам, до этого его отец... И всегда это происходило здесь.

– Почему именно здесь?

– Потому что это место силы. Сосредоточься, ты почувствуешь.

Блин, только мистики мне сейчас не хватало. Сразу почему-то вспомнился некогда прочитанный Кастанеда и дон Хуан, скармливавший будущему писателю мескалино-содержащий пейот в целях расширения сознания. Может, мне и без кактуса удастся войти в подобное состояние?

Сев по-турецки, я закрыл глаза, попытавшись отрешиться от окружающего мира, который в этой пустыне и так не сильно докучал. Сначала ничего не происходило, а затем я ощутил чуть слышимый звон, где-то на уровне подсознания, словно ветер колыхал туго натянутую струну. Звук нарастал, теперь это уже была красивая и печальная мелодия, от которой на душе становилось и грустно и легко одновременно...

Я потрянул головой, открывая глаза. К моему изумлению, вокруг нас стояла ночь. Но так быстро стемнеть не могло просто физически! Я бросил взгляд на циферблат недавно купленных Tissot, стрелки показывали пять минут десятого. Охренеть! Это я что же, в прострации находился целых два часа?! То-то у меня задница с ногами затекли.

– Время приближается, – вернул меня к реальности голос шамана.

Тот остекленевшим взглядом смотрел на серп луны, паривший в окружении мерцавших в тёмном небе звёзд.

– Какое время? – с опаской спросил я, осторожно меняя позу.

– Время уходить к духу огня.

Почему-то я не решился спросить, как будет выглядеть это действие, хотя в глубине души и догадывался.

– Когда-то, много лет тому назад, когда я был ещё маленьким кауилья, а мой отец только стал говорящим с духами, со мной произошла странная история, – негромко начал старик, всё так же глядя вверх на небесные светила. – Вместе с другими маленькими кауилья мы играли недалеко от деревни, когда вдруг налетел сильный ветер, поднявший стену пыли, в которой ничего не было видно

на расстоянии вытянутой руки. Я закрыл глаза, чтобы не ослепнуть, и стал звать на помощь. Казалось, ураган будет продолжаться вечно. И вдруг он прекратился, словно его и не было. Я открыл глаза и обнаружил себя стоящим на казавшейся бескрайней равнине. Лёгкий ветер шевелил высокую траву и цветы, в чистом небе ни облака, ни птиц. Страх не было, только удивление. Что это за место, как я сюда перенёсся? В какой-то момент мне показалось, будто на горизонте что-то темнеет. Я двинулся туда, и по мере того, как шёл, всё более явственно проступали очертания мощного древнего дерева. Когда я подошёл вплотную, то понял, что этому дереву, наверное, тысяча лет, настолько древним оно выглядело. Но ветви его зеленели листьями, и оно совсем не казалось умирающим. Почему-то я сразу подумал, что это сейба – священное дерево мира. – Шаман замолчал, наконец перестав глядеть в ночное небо. Взгляд его переместился на тёмные очертания гор. Какое-то время он был погружён в себя, затем тихо продолжил: – Я подошёл к дереву, и мне показалось, что оно дышит. Удивившись этому, я припал ухом к толстой шершавой коре. Я определённо услышал стук сердца. А затем ещё и слова. Они будто сами рождались в моей голове. Кто-то голосом, который мог принадлежать как женщине, так и мужчине, сказал: «Нуто, ты рождён, чтобы разговаривать с духами. Исполни своё предназначение, когда твой отец уйдёт в страну вечной охоты. А затем, спустя долгие годы, ты сам отправишься к духам, и последним твоим попутчиком будет белый человек, который был рождён не в твоём мире и не в твоём мире закончит свой путь. Вас связывают невидимые нити Судьбы, ты это почувствуешь, когда увидишь его. Белый человек призван в мир людей совершать большие дела, а ты из мира духов будешь приглядывать за ним, станешь его тенью в мире живых». После этого моё сознание заволокла тьма, а очнулся я уже там, откуда попал в то странное место. Прошло немало времени, солнце уже садилось, и я пошёл в деревню, гадая, что же это такое было – сон или явь. И не сразу понял, что зажимаю в кулаке маленькую фигурку из дерева сейба. Вот она. – Старик снял с шеи один из амулетов и протянул мне. Это было искусно вырезанное, отполированное годами изображение орла. Фигурка сразу же напомнила мне хищную птицу на валуне, указавшую поворот к этому месту. – Я носил этот амулет всю жизнь. Теперь передаю его тебе.

– Спасибо... Но зачем? И почему не отдали... сыну? У вас есть сын?

– Есть. Но сын ушёл в город, он отрёкся от родового тотема, захотел стать белым человеком, променяв свободу на тесный город с большими каменными домами. Я его за это не виню, так сейчас поступают многие. А амулет повесь на шею, буду за тобой сверху приглядывать. И ещё держи вот это.

Теперь я получил вышитый ярким узором кисет, горловина которого была стянута кожаным шнурком, на ощупь он был наполнен какой-то травой.

– Если захочешь достичь просветления и пообщаться с духами, получив ответы на свои вопросы, пожуй немного этой травы. Но часто это не делай. А теперь мне пора.

Индеец достал из котомки самое настоящее кресало, моток чего-то, похожего на мочало, сел на корточки возле кучи хвороста и принялся высекать искру. С третьего раза от искры «мочало» затлело, а затем из его середины пробилось небольшое пламя, перекинувшееся на сухой хворост.

– Дух огня услышал меня, – довольно проскрипел старик. – Уезжай, никто не должен видеть, как я ухожу к духам.

Я застыл в нерешительности. Похоже, тут наклёвывался конкретный суицид, а мне предлагалось просто отвалить, словно я прохожий, случайно заставший сидящего в кустах по большой нужде. Почему-то именно это сравнение пришло мне в голову.

– Уходи, иначе дух огня может не принять меня!

Этот окрик заставил меня выйти из ступора. Что ж, старик, дело твоё, я в Чипы и Дейлы не записывался.

Я сел в машину, завёл двигатель, кинул взгляд на стрелку уровня бензина – оставалось ещё полбака – и включил первую скорость. В свете фар каменистая земля медленно уплывала под колёса, будто «корд» засасывал её своим днищем. Невольно я бросил взгляд в зеркало заднего вида. Костёр вздымался к тёмному небу красно-жёлтым столбом, а на его фоне выплывала одинокая фигурка. Мне даже казалось, что я слышу медитативные песнопения. Затем вдруг ставшая уже совсем маленькой фигурка прыгнула в костёр, подняв сноп искр, и исчезла в огненной стихии. Я вдавил педаль тормоза, выскочил из машины и бегом кинулся к ставшему резко затухать костру. На полпути сообразил, что логичнее и быстрее было бы доехать к месту трагедии на автомобиле, но возвращаться не стал.

Через пару минут я стоял возле почти погасшего костра. Ни человеческих останков, ни запаха горелого мяса. На всякий случай поворошил пылающие уголья валявшимся чуть в стороне прутиком. Что же это получается: старик, судя по всему, сиганул сквозь костёр и растворился в пустыне? Другого объяснения этому феномену я просто не видел. Ну и к чему нужно было устраивать такую мистификацию?

В этот момент сверху слышались клёкот и хлопанье крыльев. Я задрал голову, и на фоне мерцающих звёзд увидел парящий в воздухе орлиный силуэт. Пернатый хищник сделал круг, после чего развернулся в сторону горного хребта. Я поёжился – по моей коже одновременно прошлись словно мириады микроскопических иголок. Подобрал с земли пустую котомку шамана и бросил её в почти угасший костёр, продлив его агонию ещё на пару минут. Ничего здесь больше меня не удерживало. Искать в пустыне и тем более в горах индейца я не собирался, а значит, мог с чистой совестью убираться восвояси.

На рассвете я уже подъезжал к Лас-Вегасу, над одно- и двухэтажными домами которого гордо возвышался силуэт моего отеля. Мой Grand Palace, мой великий дворец, с которым у меня связаны большие планы.

Глава 2

– Леди и джентльмены, минуточку внимания! – обратился к собравшимся ведущий церемонии открытия отеля-казино Джордж Бёрнс при помощи допотопного, на взгляд человека будущего, микрофона, подсоединённого к не менее допотопным усилителю и динамикам. Однако слышимость была вполне на уровне. Уж об этом я позаботился, пригласив на постоянное довольствие одного из лучших звукорежиссёров Нью-Йорка, на совести которого теперь оказалась ещё и акустическая система в нашем концертном зале, где сегодня вечером должен был пройти первый концерт. – Я хотел бы предоставить слово виновнику, так сказать, торжества, человеку, без которого сегодняшний праздник оказался бы невозможен. Это мистер Фил Бёрд! Поприветствуем его!

Ну вот и настал мой черёд блеснуть красноречием. Хотя я раньше особо в себе ораторского таланта не замечал, но сегодня не отмажешься – событие более чем знаменательное.

Под аплодисменты я взобрался на временную сцену размером три на два метра, принял у Джорджа микрофон и оглядел собравшуюся передо мной довольно внушительную толпу. Немало знакомых лиц, среди которых губернатор Невады и мэр Вегаса, а также лично приглашённые мной Вержбовский и Науменко, накануне выразившие своё восхищение увиденным. Только им было дозволено прогуляться по отелю до его официального открытия. Хотя примерное представление о нём мог получить любой желающий благодаря изготовленным и распространённым по всей Америке буклетам с цветными фотографиями. К чести Виктора Аскольдовича и атамана, вслух о своём отказе от участия в деле они не высказались. Кстати, Науменко вчера вдоволь наговорился со своими сыновьями и их друзьями с хутора, щеголявшими в классических по этому времени костюмах. Моя охрана должна выглядеть представительно, но не слишком выделяться. Я предупредил, что в день открытия парни будут заняты, так что общайтесь накануне.

В толпе и первые клиенты моего отеля в количестве примерно трёх десятков человек. Как одиночки, так и парочки, и даже одна семья с двумя детишками. Я слышал, как малышня с жаром обсуждала предстоящее плескание в освещающейся воде бассейна. Я бы и сам не отказался туда нырнуть хоть сейчас, но статус... Да и где найти время, если в первые несколько дней после открытия придётся решать возникающие словно из воздуха проблемы. А в том, что они появятся, я даже не сомневался, поскольку не верил, что всё пойдёт гладко, без сучка и задоринки. Таков уж был мой характер – всегда ждать какой-нибудь подлянки. А тут дело новое, и, даже если вроде всё просчитал, не факт, что эти расчёты не имеют изъянов.

Представители строительной компании тоже здесь, в первых рядах затесались газетные писаки со своими карандашами, а у самой сцены – несколько фотокоров. Появление на открытии журналистов было мной проплачено заранее, так что в положительном пиаре я не сомневался. Даже если бумагомараки обнаружат какой-то косяк, писать об этом благоразумно не станут. Насчёт оператора кинохроники я тоже позаботился. Мало ли, вдруг пригодится в будущем плёнка, а может, буду десятилетия спустя просто ностальгировать, снова и снова проматывая эти кадры в домашнем кинозале. Если, конечно, мне удастся эти десятилетия протянуть.

М-да, а ведь жарковато сегодня, тем паче открытие проходило перед центральным входом с наружной стороны «подковы». Даром что дело к вечеру. Даже от бьющих вверх метров на десять струй фонтана прохлады не очень-то и

много. Джентльмены парятся в цивильных костюмах, дамам в свободных платьях намного легче. Но некоторые то и дело подтирают потёкшую косметику. Что ж, не буду долго задерживать этих несчастных.

– Друзья, спасибо, что согласились приехать на открытие нашего отеля, – обратился я к присутствующим. – Спасибо компаниям, занимавшимся проектированием и строительством Grand Palace, спасибо тем, кто приложил руку к прекрасному интерьеру внутри. Спасибо нашим многоуважаемым акционерам, без чьей материальной поддержки всё это вообще было бы невозможно. Некоторые из них здесь присутствуют, надеюсь, увиденным они останутся довольны. Не хочу вас долго задерживать, тут и так много чего наговорил предыдущий оратор. – Под смех собравшихся я с улыбкой повернулся в сторону дурашливо поклонившегося Бёрнса. – Поэтому прошу подойти ко мне губернатора штата Невада и мэра Лас-Вегаса, которые помогут мне перерезать алую ленточку.

Согласен, данный акт помпезности выглядит для моего современника из будущего каким-то анахронизмом. Практика с ленточкой прижилась ещё в советские времена, вот и я по «совковой» традиции, перешедшей на российскую действительность, решил отдать дань своему прошлому.

Снова щелчки затворов фотокамер, обрезки ленточки помещаются в специальные пеналы с выгравированным на них названием отеля. Один я оставляю себе, остальные два вручаю мэру и губернатору. Оба маслено улыбаются. Ещё бы, родственники этих хмырей теперь в штате моего отеля на вполне приличных должностях. Но я честно предупредил новоиспеченных сотрудников, что у меня нужно работать на совесть, иначе переведу на малооплачиваемые должности или вообще на фиг выгоню.

Под дружные возгласы небо вспухает разноцветными огнями салюта. Всё пока идёт по плану. Дальше гостям предстоит самим распоряжаться своим временем. Клиенты отеля отправятся в свои номера и потом могут присоединиться к остальным, да и уже работают ресторан, кафе и бар. Насчёт еды и выпивки всё продумано до мелочей, включая собственную пекарню и пиццерию. Между прочим, рулила в нашей маленькой пиццерии не кто иная, как Филумена Трапаттоне. Улыбчивая девица не заставила долго себя уговаривать, с превеликим удовольствием переметнувшись под моё крылышко, а её папаша так и вовсе был счастлив, что дочурка нашла себе такое перспективное, на его взгляд, место. Тут как нельзя кстати из Ломбардии к брату в Нью-Йорк после

развода вернулась сестрица с тремя уже подросшими отпрысками, она-то явно готова была стать помощницей Энцо, поскольку более достойного занятия найти себе не смогла.

Не забыл я и о подземном паркинге на полторы сотни автомобилей. Руководил им бывший сотрудник царского гаража Яков Семёнович Шварц. Педантичный, как все немцы, пусть и появился на свет уже в России, в свои шестьдесят семь лет он был на редкость бодр, заставляя подчинённых буквально летать, не говоря уже о порядке и чистоте в подведомственном ему отделе. Там же находились автомойка и автомастерская. А вот бензозаправку мы установили согласно технике безопасности в сотне метров от отеля. Если, не приведет бог, рванёт, здание не пострадает, да и запах бензина не достигает обонятельных рецепторов наших постояльцев.

Программа сегодняшнего вечера предстояла быть весьма насыщенной. Уже прямо сейчас свои двери распахнуло казино, куда устремилась солидная часть гостей. Каждый из них, включая журналистов, получил по сотне долларов, чтобы просадить их тут же, не отходя от кассы, в рулетку, блек-джек и прочие азартные игры, включая «однорукого бандита». Это вам не какой-то несчастный доллар от Билла Харри! Правда, акция действовала только в день открытия и только для приглашённых. Нет, вполне вероятно, что кому-то и повезёт, и вместе с моей сотней он унесёт в кармане солидный выигрыш. Но я был более чем уверен, что, спустив выданную сотню, многие не удержатся и попробуют сыграть уже на свои.

Вон у одного из столов уже толкучка. Надеюсь, сегодня обойдётся без эксцессов. В противном случае скандалиста мои ребята просто-напросто тихо выведут под руки. Из охраны здесь работали Василий и Алексей, Демид слонялся в холле отеля, готовый в любой момент оказаться там, где понадобится его помощь. Фёдор осуществлял общее руководство. Была у меня мысль в будущем оснастить сотрудников охраны портативными рациями типа уоки-токи. Но именно в будущем, потому что современные образцы и слово «портативная» совершенно не вязались между собой. Надо будет, как только заводик поставим, озадачить инженеров созданием такой рации[2 - Первой переносной рацией, прозванной Walkie-Talkie («ходилка-говорилка»), стал армейский приёмопередатчик Motorola SCR-300, носимый в рюкзаке. Эта модель была создана командой инженеров из Galvin Manufacturing Company (предшественник компании Motorola) в 1940 г. и весила 16 кг, так что в карман её не спрячешь.]. Хотя, насколько я знал, главной проблемой были слишком тяжёлые и громоздкие

аккумуляторы. До тех же литий-ионных тут ещё как до Поднебесной раку-отшельнику. Интересно, создатель пальчиковых батареек получил Нобелевскую премию?

Между игровыми столами фланировали полуголые девицы в перьях с подносами. На одних стояли бокалы с шампанским, на других возлежали закуски: бутерброды с чёрной и красной икрой, тарталетки с крабовым мясом и красной рыбой, фрукты, шоколад, пирожные и прочая вкусная мелочь. Сам я себе сегодня напоминал какого-нибудь Тельмана Исмаилова, в буквальном смысле сорящего деньгами. Но надеялся, что на этом наше сходство и закончится. Не хотелось повторить судьбу этого мафиози с Черкизона – обанкротиться и прятаться от правосудия по крысиным норам.

Отдельной темой стал набор персонала. Объявления были разосланы по газетам всех штатов, за исключением пока не являющейся штатом Аляски. За хорошую работу обещалось приличное вознаграждение. Кастинг проводили я и мой новый менеджер Габриэль Шульц. Кроме всего прочего, Гэйб через сарафанное радио, а то и лично, знал многих из кандидатов, а я всерьёз рассчитывал на его нюх. В итоге теперь в моём казино работали лучшие из лучших, невзирая на пол, возраст и цвет кожи. К примеру, одним из крупье (дилеров, на американский манер) у нас трудился пожилой негр, чем-то смахивающий на актёра Моргана Фримена. Это был настоящий профессионал своего дела, наблюдать за его работой было одно удовольствие. Ни одного лишнего движения, карты раздаёт, словно прирождённый катала, глаз намётан, а на простом его негритянском лице всегда добрая такая улыбочка.

Или вот Марта Суарес. Женщина-крупье в это время считалась нонсенсом, однако я плевал на подобные предрассудки. Марта была по паспорту урождённой американкой, в двенадцать лет с родителями вернулась в их родную мексиканскую Тихуану – город на границе со Штатами. Пять лет простояла крупье на рулетке в казино, пока в 1935 году президент Мексики Карденас не запретил азартные игры. Помыкавшись без работы, вернулась в США, где устроилась в подпольное казино. Теперь вот вышла на новый уровень, и я надеялся, она меня не подведёт.

Чиперы, отвечавшие за группировку фишек по цвету и номиналу, а также за разбор карт по мастям и старшинству, тоже прошли отбор. Как и кандидаты на место инспекторов, на чьих плечах лежал контроль и за сотрудниками казино, и за клиентами. Не говоря уже о пит-боссах: мы выбрали четверых, как я надеялся,

самых достойных. Пит-боссы были главными людьми в зале, следили за всеми и готовы были уладить без скандала любой назревающий конфликт. Такая вот многоуровневая система контроля.

Пока я с балкончика любовался броуновским движением внизу, ко мне поднялся журналист из «Уолл-стрит джорнал».

– Мистер Бёрд, могу я задать вам несколько вопросов?

– Пока время есть, задавайте, – кивнул я, непроизвольно поправляя галстук-бабочку.

– О’кей! Итак, мистер Бёрд, как вам пришла в голову идея строительства столь грандиозного отеля и казино посреди пустыни? Это же был большой риск. И не опасаетесь ли вы прогореть?

Понятно, журналист лишнего не напишет, но и мне особо скрывать нечего. Я поделился своим мнением, что Лас-Вегас в недалёком будущем станет столицей игорного бизнеса, что моя интуиция меня ещё никогда не подводила и что не пройдет и пары лет, как на Фримонт-стрит появятся отели и казино, мало в чём уступающие моему детищу.

Дальше последовали вопросы по менее существенным деталям, интересные, наверное, как раз только читателям этого делового издания. Пришлось рассказывать, как я догадался провести такую широкомасштабную рекламную кампанию, как решал вопрос с компанией-застройщиком, какие инновационные решения принимались при строительстве и дизайне отеля...

Я отвечал и одновременно поглядывал вниз. Первый день работы отеля и казино, не хотелось бы осрамиться из-за какой-нибудь ерунды. Вон и первый счастливчик, выигравший у «однорукого бандита» целую россыпь мелочи. Радуетя как ребёнок.

Кстати, вентиляционные отверстия, забранные ажурными решётками, отлично справляются с табачным дымом, засасывая в себя сизо-серые клубы и очищая воздух от никотиновых испражнений. Одно из таких отверстий находилось аккуратно под нашим балкончиком, так что, стоя на нём, я почти не ощущал курительного амбре.

А вон кто-то в карты проигрался. Снова ставит. Кажется, один из первых постояльцев. Раскраснелся, бедняга, того и гляди последние волосёнки повыдирает с досады. Рядом на столе хайболл, на четверть наполненный то ли виски, то ли другим пойлом такого же коричневатого оттенка. И сегодня, и в будущем все посетители казино имеют право на бесплатную выпивку.

– Спасибо, мистер Бёрд, за приятную беседу, – раскланялся журналист, убирая во внутренний карман карандаш и блокнот.

Между делом со мной попрощались губернатор штата Невада и мэр Вегаса. Заверили, что отель и казино выглядят по высшему разряду, шутливо пожалев, что статус не позволяет им просадить сотню-другую долларов. Напоследок я сообщил Расселлу, что строительство школы начнётся уже через неделю, мол, свои обещания я привык выполнять.

Прошёл во внутренний двор. В бассейне уже плескалось несколько человек, включая детишек той самой четы. За порядком у бассейна наблюдал мускулистый спасатель. Наверняка не одна постоялица изменит с ним в будущем своему благоверному.

Потом вернулся в зал казино. Народ здесь себя чувствовал уже как дома, всё катилось по накатанной. Вроде первый день обошёлся без казусов, тьфу-тьфу...

– Леди и джентльмены! – объявил выскочивший, словно из табакерки, Джордж Бёрнс. – Уже через десять минут в концертном зале, который находится в противоположном крыле отеля Grand Palace, начнётся грандиозное, незабываемое шоу! Вход сегодня для всех бесплатный.

– А во сколько всё закончится? – поинтересовался один из гостей, то и дело поглядывавший на часы.

– Боюсь, уже за полночь, – доверительно сообщил ему Бёрнс. – Не переживайте, эту ночь вы можете провести бесплатно в одном из номеров отеля, вам стоит лишь подойти к портье и попросить ключи. Мы вроде всех об этом оповестили заранее, вот же и у вас в пригласительном написано. А утром наш транспорт доставит вас к автобусной станции. Так что нет причины для волнения.

Примерно половина игроков соблазнилась поглядеть на «грандиозное и незабываемое» шоу, и я вместе с ними решил тоже заглянуть в концертный зал. Программа сегодня и впрямь обещала стать событием. Шоу начинал канкан выписанных с Бродвея танцовщиц, затем в сопровождении биг-бенда с парой вокальных номеров выступал набирающий популярность Фрэнк Синатра. Его сменил со своей юмореской, откорректированной моей рукой, Милтон Берл. После этого – шоу дрессированных мартышек, одна из которых выскочила в зал, взобралась на столик и сорвала с немолодой дамы рыжий парик. Подставная с криком и под оглушительный хохот публики выбежала из зала, чтобы чуть позже получить у продюсера шоу за кулисами свой гонорар.

Джазовое трио Нэта Кинга Коула удовлетворилось одной композицией. Дальше собравшихся потрясло выступление знаменитого иллюзиониста Гарри Блэкстоуна. В моей памяти человека будущего отложились имена Гарри Гудини, Игоря и Эмиля Кио, Акопянов старшего и младшего, Копперфильда... А вот гляди ж ты, были в Америке в это время свои гении, пришедшие на смену так нелепо ушедшему из жизни Гудини[3 - Смерть великого иллюзиониста и впрямь получилась нелепой. Во время канадских гастролей в 1926 г. в гримёрку к Гудини вошли трое студентов, один из которых был чемпионом колледжа по боксу. Он спросил Гудини, действительно ли тот способен выдержать несколько сильных ударов в живот, ничего при этом не почувствовав. Гудини, погружённый в свои мысли, кивнул, и студент неожиданно нанёс артисту два или три удара. Гудини еле остановил его: «Подождите, мне надо подготовиться», после чего напряг пресс: «Вот, теперь можете бить». Студент ударил пару раз и на себе почувствовал железный брюшной пресс Гудини. Несколько дней иллюзионист не обращал внимания на боль, но эти удары спровоцировали разрыв аппендикса, в результате которого развился ставший смертельным для Гарри Гудини перитонит.]. Тут тебе и распиливание девицы циркулярной пилой, и хождение по воздуху над головой зрителей, и появляющиеся сами собой на столах посетителей букеты цветов... У меня не было времени побывать на вчерашней репетиции, поэтому я, как и все собравшиеся, не без детского восторга следил за происходящим.

В финале с песнями Love Me Tender и Wonderful World выступал Армстронг. Перед тем как исполнить моментально ставшие хитами композиции, он представил меня как автора произведений. Пришлось вставать в своём уголке и с тупой улыбкой под аплодисменты раскланиваться. Ужасно стыдно перед настоящими авторами песен, и дёрнул же меня чёрт выдать их за свои!.. Впрочем, имён тех, кто их сочинил, я не знал, да и, наверное, они ещё слишком молоды, чтобы сочинить что-то приличное.

Н-да, эдак моё имя скоро появится на Аллее славы в Голливуде! Тут тебе и композитор, и режиссёр, и сценарист... Хотя, если и появится, то не скоро, этой Аллеи пока ещё в природе не существует. А когда же она появилась в действительности?[4 - Первая звезда на Аллее славы с именем кинорежиссёра и продюсера Стэнли Крамера была заложена 28 марта 1960 г.] Хм, этим вопросом я в своё время как-то не интересовался. Но уж точно до моего рождения.

А с другой стороны, что мне мешает предложить такую идею тому же федеральному агентству по культуре или киноакадемии? Таким макаром заработаю себе ещё больше авторитета. Один хрен они до этой идеи рано или поздно додумаются, можно же приписать славу и себе.

Или на волне патриотических чувств подсказать эту идею через связного советским руководителям? Думаю, такая Аллея неплохо смотрелась бы и на Мосфильмовской улице, или как она там сейчас называется...[5 - Улица появилась в 1939 г. и называлась улица Мосфильм по киностудии «Мосфильм», к которой она вела. В 1951 г. носила название улица Потылиха (по историческому району). Название Мосфильмовская было официально утверждено 25 января 1952 г.] Хотя вряд ли выгорит, в Союзе сейчас культ рабочего и колхозницы, не считая культа самого главного усатого дядьки, а все эти артисты считаются слугами народа, помогающими пролетариям и крестьянам строить социализм. А Досок почёта, поди, и так хватает. Нет, не одобрят, даже дёргаться не стоит.

Впрочем, пока остаются и более насущные дела. Шоу завершилось, народ побрёл кто к своему транспорту, кто к портье за ключами от номеров. Через полчаса закроется и казино, начнётся уборка и приготовление к следующему рабочему дню. А он у нас длится с 16 часов дня до 2 часов ночи.

Дав последние указания Гэйбу, я отправился отсыпаться в свой номер. О своём комфорте я позаботился заранее, ещё на стадии строительства. Моё просторное жилище располагалось на третьем этаже в дальнем конце левого крыла, отделённое от общего коридора тамбуром. Это была своего рода студия – просторное помещение с парой больших окон, выходивших во внутренний двор. Пока из зелени, кроме травы, во дворе торчали несколько саженцев пальм, декоративные кактусы, дальше – садовая растительность: яблони, сливы, персиковые, фиговые и гранатовые деревья, цитрусовые... Воды на полив уходить будет немало, но тут уж ничего не поделаешь, благо тянувшийся от плотины водопровод работал исправно.

Утром я зашёл в кабинет Лившица, обзаведшегося парой молодых сообразительных помощников той же породы, что и он сам.

– Доброе утро, мистер Бёрд! – поприветствовал он меня на русском. – А у нас для вас неплохие новости. Наша выручка только от казино составила 125 тысяч долларов. Плюс 35 тысяч от постояльцев. И это ещё мы не вышли на оптимальную наполняемость.

Лившиц знал мои настоящие имя и фамилию от Лейбовица, хотя и без подробностей моей интересной биографии, и без свидетелей называл меня Ефим Николаевич. Но при своих помощниках предпочитал официальное обращение.

– Спасибо, Самсон Израилевич, – поблагодарил я работающего пенсионера. – Думаю, затраты на открытие отеля мы отбили, да ещё сверху кое-что осталось. Недовольных вроде не было, не считая проигравшихся в казино. Хочется верить, работа пойдёт на лад. Кстати, вы ведь у меня почти год работаете, а в отпуске ещё не были. Так раз уж помощниками обзавелись...

– Мистер Бёрд, зачем мне, старому холостяку, отпуск? В морской круиз я не собираюсь, а просто сидеть дома – тоска сгложет. Да и мои помощники, – кивнул он в сторону корпящих над документацией молодых людей, – пока слишком неопытны, чтобы вот так сразу взвалить на себя такую ношу. Дайте мне время их поднатаскать, а там уж, если вам так захочется выпроводить меня в отпуск или на пенсию...

– Нет, нет, Самсон Израилевич, ничего такого я не имел в виду. Вы меня в качестве главного бухгалтера очень устраиваете. Но если вдруг почувствуете, что организм требует отдыха, не стесняйтесь. Ладно, не буду вам мешать, пойду проверю работу остальных служб.

В этот день об открытии отеля успели известить своих слушателей две радиостанции и своих читателей местная газета из столицы Невады Карсон-Сити, поскольку в Вегасе с печатным делом ещё не сложилось. С газетной заметкой я ознакомился лично, а о радио сказал оказавшийся на ногах раньше меня Гэйб. Выслушав его, я остался доволен. Первый блин вышел уж точно не комом, теперь казино должно работать как часы, желательно швейцарские.

К полудню прибыло девять новых респектабельных постояльцев. А поскольку вход в казино был свободным, то в игорном заведении к вечеру оказались заняты почти все столики. Я буквально видел, как конкуренты с Фримонт-стрит кусают с досады локти, глядя, как их клиенты ради любопытства потащились в новое казино. Ничего не поделаешь, ребята, это реалии вашего любимого капитализма.

Через неделю в наш отель въехал писатель Теодор Драйзер. Въехал с дамой по имени Хелен Ричардсон, на вид моложе его лет на двадцать пять – тридцать. Всё бы ничего, вот только, как шепнул мне управляющий отелем, эта Ричардсон приходилась старику Драйзеру двоюродной сестрой.

В нашем отеле Драйзер и Ричардсон просто отдыхали. Загорали у бассейна, купались, проиграли в казино небольшую сумму, гуляли по окрестностям Вегаса, хотя смотреть там было пока не на что, а между делом Драйзер работал на пишущей машинке, которую привёз с собой. Вернее, работала его сестрица, а сам он сидел в кресле, курил трубку и надиктовывал текст.

С писателем я не без удовольствия пообщался во время прогулки в нашем пока ещё не разросшемся саду. Половинка его отправилась на спа-процедуры (я всё же не отказал себе в удовольствии завести такой сервис), а мы, сидя на лавочке в тени апельсинового дерева, размерами пока больше смахивавшего на кустарник, обсуждали сложившуюся в мире политическую ситуацию. Драйзер, судя по всему, симпатизировал Сталину больше, чем Гитлеру, и на будущее социалистического строя смотрел с оптимизмом. Ко всему прочему он вспомнил, как несколько лет назад по линии БОКС в составе интернациональной делегации побывал в СССР.

– Я даже спускался с шахтёрами в забой, а вот ваш русский гений, поэт Маяковский, не рискнул спуститься в шахту, – не без гордости подчеркнул писатель.

Я решил по примеру отелей будущего фотографировать важных и интересных гостей, чтобы затем размещать их портреты на стенах в холле. Для столь ответственной миссии я приобрёл хороший студийный аппарат «Кодак», с которым и сам научился управляться, и обучил одного из сотрудников, проявлявшего хороший художественный вкус.

Настоящей удачей я посчитал момент, когда увидел в списке гостей, забронировавших номер заранее, Роберта Оппенгеймера. Отец атомной бомбы, услужливо подсказала мне моя память. Если это, конечно, не однофамилец. Нет, знаменитый физик, заверили меня знающие люди.

Заядлый курильщик Оппенгеймер приехал с молодой женой Кэтрин Харрисон, это было своеобразное свадебное путешествие. В приватном разговоре, на который я как бы между делом выманил физика, тот поведал, что они уже побывали в Мексике, а после Вегаса, куда приехали, соблазнившись ярким рекламным буклетом, планируют посетить Аляску. В общем, проехать континент с юга на север.

Чета забронировала двухместный номер средней ценовой категории. Немало времени Роберт проводил за рабочим столом, но при этом они с молодой супругой и заглянули в казино, и побывали в концертном зале. Во время одной из таких их отлучек я нагло открыл ключом дверь их номера и на свой фотоаппарат переснял один за другим листы с записями, вернув всё после этого на прежнее место, хотя вряд ли учёный помнил, где что у него лежало. Во всяком случае, якобы случайно обронённого на записи волоска я не обнаружил. Плёнку я проявил и заныкал до лучших времён, потом с оказией передам связному – пусть с ней ознакомятся советские учёные.

Между тем школа возводилась ударными темпами. Мэр довольно потирал руки, каждый день посещая стройку. Официально школа являлась подарком городу от Bird Inc в рамках благотворительной деятельности. В общем-то, я соглашался про себя, что дело благое, не притон строим, а храм знаний. Только не нравилось, что строить школу меня заставили в ультимативном порядке. Ещё один такой шантаж – и с городским головой произойдёт несчастный случай. Минимум переломанные конечности, максимум – летальный исход.

А спустя почти два месяца, в канун Рождества, в Лас-Вегас заявили... Мейер Лански и Багси Сигел. И сразу же проследовали в казино. Об их появлении мне практически одновременно доложили Демид и Гэйб. Пришлось с тяжёлым сердцем и широкой улыбкой тоже тащиться в казино, потому что проигнорировать появление таких персонажей я просто не мог.

– О, мистер Бёрд!

Лицо Лански разрезала ухмылка, и он протянул мне для рукопожатия руку, оторвавшись от созерцания бодро прыгающего по секторам рулетки шарика.

– Знакомьтесь, мой друг и компаньон Бен Сигел, вы о нём наверняка слышали ещё в Нью-Йорке.

– Как же, личность довольно известная, – подтвердил я, пожимая и ему руку. – Правда, я слышал о Багси Сигеле.

– Он не любит это прозвище, – хмыкнул Лански, покосившись на нахмурившегося товарища.

– Понял, Бен так Бен. Какими судьбами в наши края?

– Да вот решили посмотреть, как вы здесь обустроились. Думаем, может, и нам здесь построить что-нибудь вроде вашего отеля?

– Хм, почему бы и нет, моими усилиями Вегас будет становиться только популярнее... Знаете что, я предлагаю вам поиграть в своё удовольствие, а затем продолжим беседу в более приватной обстановке.

Через час мы сидели в моём кабинете. Гостям были предложены сигары и сигареты, а также спиртные напитки с лёгкой закуской. Те не отказались, я глотнул бурбона с ними за компанию.

– Да-а, сейчас мы спокойно пьём бурбон, не то что в эпоху «сухого закона», – ударился в воспоминания Лански, пыхнув сигаретой. – Золотые были времена... Помнишь, Бен, как мы проворачивали фокус с солью?

– Твоя задумка, – улыбнулся тот, гоняя во рту зубочистку. – Только, думаю, мистеру Бёрду это не очень интересно.

– Бен, ну что ты за человек!.. Ладно, тогда к делу. Что ж, мне понравилось, что вы здесь построили, мистер Бёрд. Честно скажу, у нас с компаньоном после того, как в Вегасе снова разрешили азартные игры, уже зрела идея всерьёз заняться здесь игорным бизнесом, но вы нас опередили. Вы молодец, быстро сориентировались.

– Да уж, – хмыкнул Сигел.

– Надеюсь, я не перешёл вам дорогу? – как можно добродушнее улыбнулся я.

– О, нет-нет, – улыбнулся в ответ Лански. – Думаю, здесь места хватит всем желающим. Мы планируем начать стройку отеля с казино в начале следующего года. Пожалуй, он будет даже побольше вашего. А может, продадите нам свой? Мы дадим хорошие деньги.

– Мистер Лански, это всё равно, как если бы вы предложили мне продать вам своего ребёнка.

– В чём-то вы правы, – спокойно согласился мафиози.

– Лучше свой отель постройте, дешевле выйдет, а привлечёт в Вегас ещё больше людей и денег. Главное, чтобы обошлось без ненужного кровопролития.

– Да уж, – снова хмыкнул Сигел.

– Уверен, до этого не дойдёт, – махнул рукой Лански. – В Нью-Йорке после гибели Костелло только всё более-менее успокоилось, ни к чему начинать новую войну.

– Кстати, кто сейчас у руля коза ностра?

– Пока нет одного сильного лидера, хотя номинально им выбрали Винсента Мангано, представителя «старой школы»...

– По-хорошему, могли бы и Мейера поставить, – вставил Сигел. – Он за все эти годы пользы принёс едва ли не больше всех.

– Брось, Бен, знаешь же, что во главе Комиссии может стоять только итальянец, желательно сицилиец. Одним словом, оставшиеся главы семейств по-честному поделили Нью-Йорк. Нам с Беном тоже кое-что перепало.

– А семью Дженовезе кто возглавил?

– Из Италии вернулся сам Вито Дженовезе, так что теперь название семьи полностью оправданно. А о вашем Большом Иване что-то ничего и не слышно.

– Он не любит шумиху... А что с убийцей Костелло, не нашли? – с как можно более невинным видом поинтересовался я.

– Нет, не нашли, – развёл руками Лански. – Фрэнк нажил себе немало врагов и был слишком беспечен, за что и поплатился.

Ох, не так-то ты прост, Мейер Лански, вон в глазах хитринка мелькнула. Видно, догадывается, чьих рук дело убийство главаря мафиози.

– Надеюсь, вы со своим опытом поможете нам в деле возведения отеля? – спросил Лански.

– С удовольствием, могу порекомендовать строительную и дизайнерскую компании. Только вам желательно строить что-то другое, непохожее на мой отель. И добавить национального колорита. Может, итальянского, если по иудейской части ничего не придумаете. Например, я планирую устраивать концерты русских композиторов, певцов, выступление русского балета, а вы могли бы проводить вечера итальянской оперы.

– А что, идея интересная, – посмотрели друг на друга мои гости. – Пожалуй, стоит над этим подумать.

Мы поболтали ещё минут пятнадцать, в течение которых я не без оснований ждал, что гости в любой момент могут выхватить стволы и изрешетить меня в моем же кабинете. На этот случай у меня с нижней стороны стола была присобачена кобура, из которой торчала рукоятка револьвера. Но у Лански с Сигелом хватило благоразумия не устраивать пальбу, потому что в противном случае моя охрана (Фёдор с Демидом дежурили в коридоре) вряд ли позволила бы им после этого уйти живыми. Да к тому же не стал бы тот же Лански, слывший криминальным мозгом мафии, так по-глупому подставляться. Наверняка нашёл бы способ устранить оппонента, не привлекая к своей персоне ненужного внимания.

И всё же, когда визитёры засобирались, я облегчённо вздохнул. Проводив их, я подумал, что, пожалуй, не стоит звонить Гурзо по экстренному каналу, прямой

угрозы своему здоровью и бизнесу я пока не видел. Пусть затевают стройку, а там уже сообразим, как дальше действовать.

Глава 3

Весной 1941 года стены холла отеля были украшены тремя десятками портретов знаменитых артистов, писателей, спортсменов, политиков и учёных, посетивших Grand Palace за минувшие несколько месяцев. Те же Теодор Драйзер и Роберт Оппенгеймер, а также голливудские звёзды Ингрид Бергман и Кэри Грант, театральный педагог, актёр и режиссёр Михаил Чехов, инженер и новатор Гарри Найквист, ещё не так давно блиставший на бейсбольной площадке, а теперь располневший Бейб Рут, известный живописец и писатель Рокуэлл Кент, композитор Игорь Стравинский...

Кстати, Стравинский предварительно выяснил через своего агента, имеется ли в нашем отеле номер с роялем, поскольку хотел и на отдыхе продолжить работу над новым произведением. Такой номер у нас имелся, и именно за роялем я сам лично и запечатлел Игоря Фёдоровича на цветную фотоплёнку.

Выяснилось также, что композитор является большим поклонником русской бани. И когда почти все постояльцы плескались в бассейне, он по несколько часов проводил в нашем спа-салоне, частью которого были и финская сауна, и русская классическая баня с настоящими берёзовыми и дубовыми вениками. При этом требовал, чтобы в это время, кроме него, в бане не было других посетителей. Мне однажды пришлось улаживать конфликт, когда следом за Стравинским в баню пытался прорваться мелкий фабрикант из Калифорнии. Орал, что «у нас свободная страна и никто не имеет права ущемлять его права гражданина Соединённых Штатов». Пришлось пообещать борцу за права бесплатный абонемент на посещение спа-процедур до окончания срока его пребывания в отеле.

Была у нас и бильярдная, и своеобразный шахматный клуб. Я даже подумывал, не пригласить ли в мой отель для проведения матча за звание чемпиона мира Алехина с Максом Эйве или Капабланкой. Почему бы и нет, всё реально.

С каждым из известных гостей я встречался лично, и они с удовольствием выкраивали время для хотя бы короткой беседы с хозяином отеля, который был известен ещё и как оscarоносный сценарист и прежде всего режиссёр культового фильма «Месть подаётся холодной». Да-да, свою статуэтку я получил 27 февраля 1941 года на 13-й церемонии вручения кинопремии за комедию «В джазе только девушки», хотя, на мой взгляд, картина «Храброе сердце» произвела на членов киноакадемии серьёзное впечатление. Как мне рассказывал в кулуарах той церемонии Уорнер, они до последнего сомневались, за какой фильм меня выдвинуть на кинопремию, в итоге всё же сошлись на более весёлом жанре.

Зато фильм «Храброе сердце» получил приз как лучший фильм года. Причём соперничал он с моими же картинами «В джазе только девушки» и «Леон-киллер», а также чаплиновской «Великий диктатор», работой режиссёра Джона Форда «Гроздь гнева» и ещё пятью фильмами.

Тогда же я познакомился с Чарли Чаплином, ожидаемо оказавшимся ниже меня на две головы и довольно грустным в жизни человеком. Но при этом от него исходил мощный импульс положительной энергии, притягивавший окружающих. Его сопровождала актриса Полетт Годдар, которую комик представил как свою супругу. Она была младше мужа более чем в два раза, однако казалось, что это она его опекает, а не он её.

– Я давно, ещё только услышав, что в России свершилась революция, мечтал съездить в вашу страну, – признался комик. – Но боюсь, обратно в Соединённые Штаты уже не попаду. Меня здесь давно подозревают в симпатиях к коммунистам. А вы, кстати, каких взглядов придерживаетесь?

«Ну вот, – вздохнул я, – сначала мне Гувер допрос устраивал, теперь Чаплин. Что же они так любят задавать вопросы на политические темы?!»

В итоге я отбоярился тем же вариантом, что и в разговоре с главой ФБР. Мол, я бизнесмен, от политики стараюсь держаться подальше, и добавил, что толерантно отношусь к любому политическому строю, кроме фашизма. Тем самым вызвал несомненные симпатии Чаплина, после чего пригласил его и Полетт погостить в моём отеле. Причём на совершенно безвозмездной основе, в рамках своего рода рекламной кампании. Знаменитый актёр и режиссёр обещал взять время на раздумье, а в итоге меньше чем через месяц он и его молодая супруга переступили порог отеля Grand Palace.

Первый день Чарльзу Спенсеру Чаплину пришлось потратить на раздачу автографов. Многие его узнавали и без привычного грима с усами щёткой. Когда же ажиотаж приутих, он смог в компании жены более-менее спокойно разгуливать по отелю, купаться в бассейне и играть в казино. К счастью, проиграли они в общей сумме не так уж и много, оплата номера люкс в моём отеле обошлась бы им гораздо дороже. А после их отъезда на память о визите звёздной четы остался портрет, с которого всем посетителям отеля улыбались счастливые Чаплин и Годдар.

Джек Леонард Уорнер также снизошёл до посещения моего отеля в мае 1941 года. Заодно решал и чисто практические вопросы. В частности, поинтересовался, не собираюсь ли я порадовать его студию своими новыми работами.

– В качестве режиссёра точно не получится, – признался я и объяснил: – Не могу отсюда отлучаться надолго, вынужден контролировать работу отеля и казино.

– У вас же есть управляющие, они что, зря получают зарплату?

– Да нет, не зря, но нужно подождать, пока дело прочно встанет на рельсы, тогда со спокойной душой можно взяться за какой-нибудь серьёзный проект. А если брать в расчёт мои способности сценариста, то я уже кое над чем начал понемногу работать. Думаю, через месяц смогу предъявить результат.

Фильмы за моим авторством тем временем продолжали покорять вершины американского кинопроката, и проценты весёлым ручейком наполняли мой личный счёт. Доходы от отеля и казино были куда более полноводны, но деньги шли на счета компании Bird Inc. Уже с них часть перечислялась в виде процентов на счета наших акционеров, общее собрание которых я устроил 1 июня. Однако самый жирный кусок оставался мне, и с этого куска требовалось оплачивать работу персонала, коммунальные услуги, покупать напитки и продовольствие для наших заведений общепита... Да ещё и платить налоги, о которых так беспокоился Расселл.

После долгого перерыва, вызванного стройкой отеля и налаживанием хозяйства, я снова обратил внимание на свою спортивную форму. Пусть лишних килограммов было и не так много, всё-таки сколько их сжигалось вместе с нервными клетками за эти месяцы, но всё же мышцы малость одрябли.

Тренажёры, гимнастические снаряды, боксёрский ринг, мешки и груши – теперь я находил время «пообщаться» с каждым из снарядов. На ринге мне обычно ассистировал Фёдор, впрочем, для всех секьюрити посещение спортзала стало хорошей традицией. Я лично разработал план тренировок на силу, скорость и выносливость, которого неукоснительно придерживались казаки.

Возведение трёх теннисных кортов было запланировано изначально, но закончить стройку удалось лишь спустя месяц после открытия отеля. Чтобы игрокам было не слишком уж жарко, за сеткой ограждения мы высадили деревья, причём выкопали их уже достаточно развитыми, стараясь не сильно повредить корни. Среди постояльцев, естественно, нашлись любители и этого вида активного отдыха, а инвентарь можно было взять в прокат.

Что касается личной жизни казаков, то они и впрямь решили построить на окраине Вегаса большое ранчо, рассчитанное в будущем на несколько семей. К Фёдору, Демиду и Василию тут же приехали их невесты, принявшись дружно обустраиваться на новом месте. А вот Алексей неожиданно проявил интерес к девушке из местных – дочери фермера, поставлявшего на нашу кухню каждое утро свежее молоко. Ранчо фермера находилось на берегу Колорадо, где хоть что-то произрастало, дочурка с матерью доили коров, а глава семейства развозил молочную продукцию на грузовике, в кузове которого на специальных подпорках стояла цистерна объёмом почти на три сотни галлонов. Как-то с отцом приехала и дочурка, приспичило ей воочию посмотреть на это чудо в центре Лас-Вегаса. Ничего так девица, кровь с молоком, с толстой русой косой через плечо, совсем как какая-нибудь Алёнушка. Тут-то наш Лёшенька, увидев её, и пропал. Теперь в свой единственный выходной перво-наперво мчался на ранчо, а уж чем они там занимались – не моего ума дело.

Поставил я и небольшую православную церквушку, выписав из Нью-Йорка батюшку Иннокентия. Тут же наши женихи и невесты чуть ли не скопом обвенчались, а в мэрии браки узаконили. Причём, как мне показалось, жена Демиды находилась уже в положении. Эдак лет через семь их дитё перешагнёт порог построенной моей компанией школы, в которой уже обучалось около сотни ребятишек. Так-то учебное заведение было рассчитано на двести учащихся, но где их взять столько в небольшом городке?

Впрочем, долго ли ждать, когда Вегас увеличится в несколько раз! Вон и Сигел тут постоянно крутится, их с Лански отель «Фламинго» распахнёт свои двери, думается, через два-три месяца. Я так подозревал, что строится он на деньги

всей нью-йоркской мафии, чтобы отмывать незаконно нажитый капитал, а поскольку кто-то должен стоять во главе всей этой эпопеи, то и назначили ответственными Лански с Сигелом.

Что любопытно, живёт Багси... в моём отеле. Ну а что, лучше-то апартаментов, достойных своей персоны, в Вегасе он всё равно не найдёт. Комичная ситуация, но мы оба относимся к ней с пониманием. К тому же Сигел походя высматривает особенности моего отеля, чтобы что-то позаимствовать и для своего «Фламинго».

Конечно, я пристально следил за новостями с европейского континента, узнавая информацию, в основном из газет и радио. Не будучи большим специалистом в такой науке, как история, я не мог до мелочей сопоставить развитие событий сейчас и в моём варианте реальности. Но в целом, как мне казалось, происходящее сейчас в Европе во многом повторяло оригинальную трактовку.

Гитлеровская Германия постепенно оккупировала всё новые и новые страны. Ещё два года назад я узнал, что под фашистов легла Чехия, что был всё-таки подписан пакт о ненападении, что немцы оккупировали Польшу, а советские войска по договорённости с Германией вошли в Западную Украину и Западную Белоруссию. В прошлом году гитлеровцы и итальянцы оккупировали Францию. К тому времени завершилась война между СССР и Финляндией, которую здесь, в Штатах, преподносили как захватническую. Естественно, в роли захватчика выступал Советский Союз. Чёрт его знает... Во всяком случае, Советский Союз как агрессор был исключён из Лиги Наций.

Всё шло к тому, что война между Германией и СССР – это всего лишь вопрос времени. Нельзя было не согласиться с автором одной из газетных публикаций, что двум медведям трудно ужиться в одной берлоге. А посему требовалось активнее внушать американцам, что их страна должна быть готова выступить на стороне СССР, невзирая на подписанные Рузвельтом в ноябре 1939-го поправки к закону о нейтралитете.

Как я собирался влиять на умы? С помощью телевидения и радио. Для начала хотя бы радио, благо отель уже функционировал практически в автономном режиме. Персонал – тьфу, тьфу – неплохо справлялся с рутинной работой, так что у меня всё больше появлялось времени на другие проекты. В том числе и на коммуникационные.

Для начала я выписал из Финикса специалиста по радио-делу – Кларка Уотсона. При его непосредственном участии вошли в строй несколько станций радиовещания Западного побережья, теперь настала очередь поработать на благо Лас-Вегаса. По ходу я выяснил, что в Вегасе с радиостанциями доселе имелись проблемы. То есть радиостанции отсутствовали вообще. Да и ни к чему они вроде были, если в этих краях уверенно принимался сигнал из Лос-Анджелеса и Нью-Йорка, где имелось мощное передающее оборудование, а по пути следования сигнала располагались считавшиеся высокими по нынешним временам радиомачты. Как-никак радиосигнал шёл по прямой в зоне прямой видимости от передающей антенны, а не огибал земной шар, поэтому приходилось через каждые несколько сотен миль устанавливать мачту. Чем выше мачта – тем дальше идёт сигнал. Поэтому, задумавшись о возведении радиовышки, я решил строить сооружение высотой хотя бы метров тридцать.

Кларк, выслушав мои доводы, поделился своими соображениями по этому поводу. Он давно холил идею с привлечением в качестве супервысоких антенн дирижаблей. Сферы, наполненные гелием, могут парить на такой высоте, которая неподвластна самым высоким на сегодняшний день радиомачтам, то есть вместо десяти мачт можно использовать, например, всего два дирижабля. Причём не обязательно такой дирижабль должен сопровождаться командой, это может быть просто неуправляемый аэростат, соединённый металлической пуповиной с каким-нибудь креплением на земле и несущий на себе приёмо-передающее устройство.

– И обойдётся этот проект на порядок дешевле, чем строить мачты через каждые сто миль, – привёл решающий аргумент Уотсон. – Хотя, понятно, придётся регулярно проверять крепление «пуповины», а лучше в таком месте установить круглосуточную охрану. Но это не должно обойтись слишком уж дорого.

На мой встречный вопрос, что делать, если налетит торнадо, Кларк заметил, мол, в этих краях торнадо редки и не имеют достаточной силы, чтобы навредить летательным аппаратам легче воздуха. И ведь действительно, за всё время, что я здесь обитаю, не помню ни одного крупного стихийного бедствия, связанного с природными аномалиями. В общем, мы ударили по рукам, и я возложил именно на Уотсона решение вопроса с аэростатами.

Одновременно мне пришлось непроизвольно окунуться в историю американского радиовещания. Изучая предмет, я узнал, что 27 января 1927 года

– дата рождения «Коламбия бродкастинг систем» – Си-би-эс. В 1934 году появляется «Мючюэл бродкастинг систем» – Эм-би-эс, и в том же году – «Америкэн бродкастинг компани» – Эй-би-си. В том же 1934-м была учреждена Федеральная комиссия по связи США с офисом в Вашингтоне, регулирующая использование СМИ. Вот и нам с Кларком пришлось сунуться в Вашингтон за лицензией на мою радиостанцию, которую я решил назвать просто – «Лас-Вегас радио».

Дальше выяснилось, что, невзирая на название, у моей радиостанции должна быть трех- или четырехбуквенная аббревиатура, а учитывая, что она будет находиться ближе к Западному, чем к Восточному побережью США, начинаться аббревиатура обязана с латинской «К». Кларк пожал плечами, мол, как-то из головы вылетело, но вроде как ничего страшного, это сущий пустяк.

– Возьмите аббревиатуру KDWN, она сейчас свободна, – предложил мне чиновник из Комиссии.

Я согласился, даже не попытавшись выяснить, что значит сей шифр. Главное, что название «Лас-Вегас радио» осталось при мне. Купив лицензию, я стал счастливым обладателем УКВ-частоты 93,3 МГц.

Процесс возведения мачты длился два месяца. Она могла работать как на передачу, так и на приём сигнала. Первое меня интересовало куда больше. А параллельно я занимался и радиостанцией. Заранее присмотренное двухэтажное здание, возле которого строилась вышка, я попросту выкупил, набив его современной аппаратурой. Рубка диджея находилась в комнатухе второго этажа. Поскольку без технического сотрудника никуда. Я предложил Кларку условия, от которых он не смог отказаться. Равно как и четыре диджея – Джонатан Спенсер-младший, Энди Маковски, Филипп Санчес и Люси Сопрано. Первых двоих в нашу ещё недавнюю глушь я переманил с калифорнийских радиостанций, Санчеса из Сакраменто, а Люси была хорошей знакомой Кларка по Финиксу, я так подозревал, что и любовницей одно время, он её мне и порекомендовал. Главное условие контракта – холостяки, чтобы не тащить в Вегас жён и детей. Решил жениться – расторгаем годовой контракт с выплатой в пользу моей компании неустойки. Спенсер-младший, как и Люси, был в разводе, только она не успела родить, а он стал отцом троих детишек. Остальные двое были ещё относительно молоды и к серьёзным отношениям пока не стремились.

Радиоведущим и Уотсону я выделил для проживания по одному месту по номеру в моём отеле. Причём номера не самые худшие, каждый с кондиционером, хотя и с совмещённым санузлом.

Учитывая наличие в обойме Санчеса, думал вещать пару часов в день и на испанском, поскольку мексиканцев в этих местах обитало довольно много, но всё же отказался от этой идеи. Во-первых, наличие радиоприёмника всё ещё в большинстве своём являлось прерогативой средних слоёв населения, а мексиканцы в основной массе перебивались с хлеба на воду, тут уже не до радио. Насчёт отеля я, правда, озаботился сразу, ещё на стадии строительства, так что в каждом номере отеля стоял приёмник. Во-вторых, испанского я не знаю, а значит, не смогу контролировать, о чём говорит мой диджей. Хотя, конечно, я и англоязычных диджеев не смогу постоянно слушать, но те хотя бы будут знать, что я могу включить радио в любой момент и не рискнут своевольничать.

Самое же главное – контент. Просидев сначала один, а затем в компании диджеев пару дней, мы составили ежедневное расписание. Вещание должно начинаться в шесть утра, а заканчиваться в полночь. Утро стартует со свежих новостей местного, федерального и общемирового значения, включая спорт и метеосводку. Понятно, что на первых порах, как минимум, придётся воровать информацию центральных радиостанций, хотя, к примеру, насчёт сводок погоды у нас была договорённость с местным метеоцентром, представлявшим собой будку с допотопным оборудованием и персонал в единственном лице. Ну а мне пришлось нанять ещё одного человека на должность редактора новостей. Он должен был сидеть на первом этаже радиостанции перед мощным приёмником и записывать на бумагу новости центральных радиостанций, затем немного менять текст и отдавать его диджею.

С новостями разобрались, теперь дальше. Следом за утренними новостями в эфире должна звучать музыка, дальше какая-нибудь угадайка с радиослушателями и обязательными призами. Реклама отеля должна идти каждые три часа. Плюс рекламные блоки, потому что наверняка со временем станут подтягиваться рекламодатели. Вряд ли с них много поимеешь на затерянной в ещё недавней глуши радиостанции, но настоящий бизнесмен ведёт учёт каждой копейки... То есть центу.

Я выяснил, что современное радио предпочитало живую музыку, причём зачастую симфоническую. Ага, как же! Я живо представил, как по 91-му шоссе

посреди пустыни мчится в Вегас автобус с оркестром симфонической музыки под руководством Артуро Тосканини, Винсента Лопеса или Лоуренса Уэлка. Нет, такой номер не катит, если только в записи. А вообще будем делать упор на современную музыку типа джаза. Правда, здесь тоже прокатывает вариант только с записью. Хорошо хоть, не с пластинки в эфир выходить будем, уж я позаботился о наличии самых качественных на сегодняшний день плёночных магнитофонов.

Помимо новостей, музыки и рекламы мы впихиваем аналитические программы. Одной в день достаточно, не стоит слишком напрягать нашего радиослушателя довольно серьёзными вещами. Тематика пусть будет разной, на злобу дня. Например, обсуждение творящегося в Европе безобразия и призыв к американцам не быть инфантильными. Не успокаивать себя тем, что Гитлер где-то на другой стороне земного шарика. При современном уровне развития техники достаточно недели, чтобы бронированная армада подошла к берегам США, а над американскими городами тучами пронеслись бомбардировщики с паучьими крестами на фюзеляжах. Чем больше запугаем, тем больше рядовым янки захочется послать на беспокойный (прошу прощения за каламбур) континент свой контингент.

Но и политикой не перегружать. В Штатах тоже происходит немало интересного на том же законодательном уровне. Пусть диджей порассуждает, во что может вылиться тот или другой законопроект. Назовём программу – «Точка зрения».

Хотелось бы мне видеть в студии и гостей, но где их взять? Ответ пришёл сам собой. Почему бы время от времени не приглашать кого-то из знаменитых постояльцев моего отеля? Сегодня обсуждаем современную литературу – вот вам живое мнение какого-нибудь Фрэнсиса Скотта Фицджеральда. Заехал в отель бывший чемпион мира по боксу Джек Демпси – поговорим о спорте. А вот что делать с ветераном шахмат Хосе Раулем Капабланкой? Давайте поговорим об азартных играх, в которые Капабланка тоже большой мастак играть, о чём свидетельствует его серьёзный выигрыш в покер. А всё это заодно и реклама нашего казино. Помимо же основной темы человек рассказывает и о себе, делится какими-то интересными историями из своей жизни. Эту программу я назвал просто – «У нас гость». Причём она не стояла строго в графике, а зависела от наличия этих самых гостей.

А ещё в это время огромной популярностью у домохозяек пользовались радиопостановки. Радиосериал «Голдберги», рассказывающий о жизни

еврейской семьи в Бронксе, был настоящим хитом эфира, и я сразу закупил первые сто выпусков. Заодно разорился на радиопьесы «Полёт Линдбергов» Бертольда Брехта и «Сон в летнюю ночь» Шекспира.

Первый выход в эфир состоялся 1 июня, чтобы уж дату было легко запомнить. Решив не смущать работавшего первым Спенсера-младшего, я не пошёл в рубку, однако, проснувшись пораньше, ровно в шесть включил радиоприёмник, настроенный на волну нашей станции. Зазвучали позывные – исполненная в хоровом варианте а капелла заставка «Радио Лас-Вегас». За небольшую ораторию длиной в несколько секунд пришлось отвалить пачку «зелёных» одному из лос-анджелесских оркестров. А затем прозвучал бодрый и почти не искажённый радиоволнами голос диджея:

– Доброе утро, Лас-Вегас! Сейчас на моих часах ровно 6 утра, а это значит, что «Радио Лас-Вегас» начинает свою работу. С вами в эфире ведущий Джонатан Спенсер-младший, и я готов поделиться с вами самыми свежими новостями. Начнём с новостей нашего города...

Словом, радио мы запустили, и я переключился на заводик по производству теле- и радиоаппаратуры. Под это дело на окраине городка я присмотрел пустующий кирпичный сарай, в котором раньше располагались механические мастерские. Решив вопрос с помещением, я отправился агитировать Зворыкина перебраться на новое предприятие, посулив новатору более чем приличный оклад и любую технику для разработки новых моделей телеприёмников. Наша встреча проходила в одном из более-менее тихих манхэттенских кафе неподалёку от Рокфеллеровского центра, где базировалась Radio Corporation of America – нынешнее место работы Зворыкина.

– Батенька, ну почему я должен принимать ваше предложение? – Владимир Козьмич, говоривший на русском с чуть заметным акцентом, глядел на меня сквозь линзы очков, как на несмышлёного ребёнка. – Хорошо, пусть я стану получать в два, в три раза больше. Но существует же и такое понятие, как мораль, чувство долга. Как я буду выглядеть в глазах людей, которые в своё время оказали мне доверие? Тем более что и здесь я имею всё необходимое для работы. Скажу вам по секрету, я уже близок к тому, чтобы с группой единомышленников изобрести полноценное цветное телевидение.

– Я читал о прошлогодней демонстрации вашей компанией системы «Тринископ»...

– Нет-нет, это всё пока несовершенно! При стоимости трёхтрубного телевизора, втрое превышающей стоимость обычного чёрно-белого приёмника, изображение получается тёмным, а сигнал занимает слишком широкую полосу частот, поскольку каждое из цветоделённых изображений передаётся на отдельной несущей частоте. Существующие чёрно-белые телевизоры можно приспособить для приёма любого из цветоделённых каналов такой системы, но передача полутонов при этом неизбежно искажается. Необходимо сохранить частоту канала цветного изображения, совместимую с частотой чёрно-белого вещания. Мы сейчас над этим работаем, и работаем относительно успешно, равно как и над созданием электронных микроскопов. И что же, я должен всё бросить и уехать в какую-то дыру посреди пустыни?!

Я понял, что в мою «силиконовую долину» заманить этого старика будет очень тяжело, во всяком случае сейчас. И по-своему он прав. Зворыкин и без меня в шоколаде, а найти железобетонные аргументы, чтобы переманить специалиста, я оказался не в состоянии. Предложить ему миллион в год? Хм, не факт, что согласится, да и для меня миллион сейчас – весьма серьёзная сумма. Тем более Владимир Козьмич не ставит деньги во главу угла. Он одержим идеей новых открытий, а их совершать мой собеседник может и в стенах лаборатории RCA. Да и две его дочери, одна из которых несовершеннолетняя, вряд ли будут в восторге от перспективы переезда в Лас-Вегас.

В общем, в Вегас я вернулся несолоно хлебавши. Но рук не опустил и стал понемногу закупать оборудование и нанимать специалистов. Мы хотя бы получили возможность использовать закупленные у RCA по лицензии схемы и чертежи, то есть могли уже лепить у себя приёмники чёрно-белого изображения. Главное, что у меня теперь трудился коллега и некогда конкурент Зворыкина по части изобретения передающей изображение трубки Фило Фарнсуорт. Несколько лет назад Фарнсуорт обанкротился и продал своё изобретение ряду компаний, в том числе RCA, а теперь собирался начать производство телеприёмников на собственном заводе в Форт-Уэйне в Индиане. Но тут подвернулся я с весьма нескромным предложением, и изобретатель капитулировал. Тем более такого оборудования, как у меня, он бы на свои сбережения точно не приобрёл.

Ещё я планировал переманить одного-двух профи из немецкой компании Telefunken. Лично туда лететь и тем более плыть я не собирался, слишком много времени потерял бы. Поэтому загрузил этой проблемой Фитина. А что касается моей мечты о рации, то я попросту перекупил у компании Galvin Manufacturing

Company группу инженеров во главе с неким Дэном Ноблем[6 - Дэн Нобль – реальный персонаж, так же как и Galvin Manufacturing Company, которая в будущем будет переименована в компанию Motorola.]. Под его руководством год назад была представлена рация SCR-300, которая помещалась в рюкзак. Для советских партизан в принципе сгодится, поэтому я без раздумий приобрёл лицензию на её производство. Правда, из хроники и художественных фильмов я помнил, что у них и так были переносные радиостанции, может, те же американские, по какому-нибудь ленд-лизу? Чёрт его знает, во всяком случае, моя помощь не помешает. Но мне требовалась ещё более компактная рация, и команда Нобля тут же взялась за работу.

С главой внешней разведки СССР я встретился сразу после регистрации компании Bird Communications, так я назвал свой медиапроект, в который со временем должны влиться и печатные издания. Я помнил о надвигающейся войне между СССР и гитлеровской Германией, понимая, что избежать её не удастся. Постоянно прислушивался к новостям по радио, выискивал в газетах хоть что-то, намекающее на грядущее столкновение двух супердержав. И с грустью понимал, что если война начнётся в этом году, то я особенно ничем Советскому Союзу помочь не смогу. Просто не успеваю. Развитие пропагандистского кластера в виде радио- и телевидения пока было далеко от воплощения. Вернее, радиостанцию я хоть и запустил, но она пока не набрала армию преданных радиослушателей, не было какой-то фишки, способной стать суперприманкой для радиолюбителей. Если бы в прошлой жизни я работал в медиаотрасли, вероятно, смог бы что-то придумать, но вид моей деятельности до попадания в 1937 год мало вязался с креативом в этом направлении. Немного утешала мысль, что хотя бы в распоряжении Сталина и К° имеются мои подробные показания, в которых я изложил практически всё, что знал об истории СССР и развале страны.

А если напрячь память... Я напряг и передал через консульство лично на имя Фитина записку, в которой изложил всё, что знал о пенициллине. Знал не так уж и много, но и полным профаном себя не считал. Помнил, что антибиотик получил из плесневого грибка английский бактериолог Александр Флеминг, причём в начале Великой Отечественной открытие вроде бы уже состоялось. Так что наши учёные пусть немедленно обратят своё внимание на Туманный Альбион и либо путём кражи, либо обычной просьбой заставят этого Флеминга поделиться своими наработками.

Кроме того, я передал в запечатанном тубусе чертежи оружия, которое в будущем станет известно всему миру как автомат Калашникова. Так и написал в сопроводительной записке, мол, найдите танкиста Михаила Тимофеевича Калашникова, поскольку помнил из истории, что войну изобретатель начал именно танкистом, и отдайте ему эти чертежи. Может, сообразит, как довести до ума автомат под промежуточный патрон, потому что мои чертежи были довольно приблизительны. До кучи упомянул о необходимости разработки алмазных месторождений в Якутии. В бассейне реки Вилюй, как я помнил из истории, точно должны найти. А богатую кимберлитовую трубку обнаружат на месте будущего посёлка Мирный. Я помнил только, что он стоял на реке Ирелях. И то узнал это в своё время совершенно случайно, познакомившись на каком-то бизнес-тренинге с весьма разговорчивым предпринимателем из этого самого Мирного...

Глава СВР решал в Штатах свои, насущные задачи, однако нашёл время, чтобы буквально на день заскочить и в Неваду. Не желая светить меня, предложил встретиться где-нибудь вне стен отеля, а ещё лучше – за пределами Вегаса. Я предложил небольшое придорожное заведение «Горячий мустанг», куда до этого наведывался несколько раз проездом.

– Спасибо вам за плёнку от наших учёных и лично товарища Сталина, – начал с благодарности собеседник, напомнив о разгильдяйстве Оппенгеймера. – На ней оказалась действительно ценная информация. Над созданием антибиотика также идёт работа. Флеминг не захотел делиться информацией, пришлось у него эти документы попросту изъять. В Якутию по вашей наводке отправлены несколько геологических партий. И отдельное спасибо за чертежи автоматического оружия. Команда конструкторов и Калашников в том числе в обстановке строжайшей секретности уже испытывают новые образцы. Правда, Калашников был очень удивлён, когда ему предложили работу в конструкторском отделе, но вроде быстро втянулся и стал чуть ли не фонтанировать идеями. Однако, к сожалению, перевооружение наших войск проходит не достаточными темпами, приходится переоборудовать налаженные производства, а на границах уже неспокойно. На востоке Квантунская армия, несмотря на Пакт о нейтралитете, готова в любой момент перейти в наступление с территории марионеточной Манчжурии, а на западе гитлеровские войска стоят вплотную у границ Белоруссии и Украины. Мы также перебрасываем войска на запад, для немцев это не секрет, потому и с вами откровенничаю... Кстати, слышал сегодня утром трансляцию вашего радио. Мне понравилось, как вы подаёте новости, в смысле – делаете верный упор на политической ситуации в мире, чётко определяя, какая опасность грозит всему

цивилизованному миру, если не удастся остановить Гитлера.

– Но мы же остановим? – осторожно предположил я. – Во всяком случае, в моей истории это получилось, хотя и заплатили за победу десятками миллионов жизней.

– Вот чтобы эти десятки миллионов не погибли, нам и нужна своевременная помощь американцев. Да и от помощи англичан не откажемся, хотя их армия не то что нашей, но и немецкой в подмётки не годится. Но все в нашем руководстве прекрасно понимают, что основной груз предстоящей схватки взваливает на себя Красная армия. Поэтому изыскиваются любые возможности по усилению наших вооружённых сил. В частности, по прямому указанию Иосифа Виссарионовича дела тысяч военных, инженеров и учёных были отправлены на пересмотр. Уже многие выпущены из лагерей, вернулись на свои прежние должности. Между прочим, это коснулось и ваших старых знакомых Кржижановского и Куницына.

– Серьёзно? Это же здорово! Как они?

– Честно скажу, состоянием здоровья не интересовался. Надеюсь, они не сильно подорвали его за время пребывания в лагерях. Я просто сделал запрос в Управление лагерей и получил ответ. Первого освободили ещё зимой, а второго – по весне. И таких тысячи, если не десятки тысяч. Выяснилось, что многие были осуждены по наветам. Вполне логично предположить, что люди затаили обиду на советскую власть, так, казалось бы, несправедливо с ними обошедшуюся. Однако подавляющее большинство специалистов полны решимости работать не покладая рук на благо своей социалистической родины. А завтра, если вдруг грянет война, готовы встать на защиту Отечества.

– Эк вы раздухарились, Павел Михайлович, вон уже за соседним столиком оборачиваются, – улыбнулся я. – Признаюсь, я и сам с радостью повоевал бы с фашистами, но думаю, здесь от меня всё же больше пользы будет, чем если я погибну от какой-нибудь шальной пули...

– Ни о каком фронте не думайте, конечно, вы нужнее здесь, – поддержал меня Фитин. – Да и война пока не началась, может, Гитлер всё же передумает на нас нападать. Хотя что я говорю... Нужно быть реалистом – нападут, как пить дать нападут.

– Я тоже думаю, что войны не избежать. Поэтому со своей стороны помимо прочего с началом конфликта постараюсь устроить сбор гуманитарной помощи. Хотя бы тёплая одежда, обувь, консервы... Всё то, чего так будет не хватать нашим солдатам или, например, в блокадном Ленинграде. Вот там нужно делать запасы уже сейчас.

– Уже делаются, хотя наша армия с экипировкой вроде серьёзных проблем не имеет. С протоколами ваших допросов тщательно работают, тем более что вы говорили, будто в них изложено всё, что вы могли сказать к тому моменту, опираясь на своё знание исторических материалов.

– В принципе да, из важного практически всё. Плюс то, что отправил вам через консульство. Рад, что хотя бы таким образом сумел оказать помощь стране. И мой вам совет: с началом войны приступайте к эвакуации мирного населения Ленинграда. Да, чуть не забыл... Предупредите товарища Сталина, что необходимо укреплять Перекоп, Чонгар, берега Сиваша и Каркинитского залива, стянув туда войска со всего Крыма и восточного побережья Чёрного моря. Удержать Крым – вопрос стратегический. Оттуда наша авиация может доставать нефтепромыслы в Плоешти в Румынии – главный источник ГСМ для рейха. Танки и машины ещё можно синтетическим бензином кормить, а самолёты его не жрут, и без румынского бензина авиация Гитлера много не навоюет.

Мы расстались с Фитиным, пребывая оба в состоянии тревожного ожидания. Тень грядущей войны между двумя сверхдержавами нависла над миром, её приближение ощущалось даже здесь, в тысячах километров от будущего театра военных действий. То, что сейчас происходило в Европе, даже и войной-то трудно назвать. Победную поступь нацистов не смогли остановить ни французы, ни поляки, ни совсем уж малочисленные народы. Британию же пока спасал Ла-Манш.

Ладно, у меня тут у самого дел невпроворот. Например, проект телевышки, которая также способна транслировать и радиосигнал. Пока со своими аэростатами я имел возможность спокойно дотянуться радио- и телешупальцами до всего Западного побережья США, и не только их – от Сиэтла на севере до мексиканского Кульякона на юге, а на восток – до Оклахома-Сити. Постепенно двигался на восход, планируя через пару месяцев с помощью парящих на километровой высоте аэростатов покрыть и Восточное побережье, включая, само собой, Нью-Йорк. При желании я смогу вещать хоть на весь земной шар! Ну а что, для моих дирижаблей не вопрос и над океаном парить,

будучи привязанными тросами к плавучим платформам. А ещё легче запустить их на островках... Что-то понесло Остапа. Отель, а в первую очередь казино, хотя и приносили приличный куш, но я ещё выплачивал проценты акционерам, поэтому слишком уж транжирить средства не имел возможности. Ну ничего, нам, главное, Штаты покрыть своей теле- и радиосетью, уже только этого хватит, что называется, за глаза.

Пока я был озабочен мыслями о воплощении своих грандиозных замыслов в реальность, конкуренты не дремали. Я не имею в виду достраивавшийся в квартале от моего заведения отель «Фламинго». Те ещё сорвут свой куш, хотя и меньшего размера, чем если бы открылись первыми.

В любом случае они там будут заниматься в том числе отмыванием денег мафии, я же от этой организации старался держаться подальше. Не дремали старожилы, на земли которых припёрся сначала я, а следом и Лански с Сигелом, отбивая у них клиентуру.

Учитывая продуманные мной меры безопасности, в том числе противопожарные, шансов устроить в моём отеле серьёзный поджог было мало. Однако засланец, нанятый коллоквиумом руководителей местных игорных заведений – а их, этих самых заведений, до моего появления в Лас-Вегасе можно было пересчитать по пальцам одной руки, – всё-таки попытался подгадить, запустив в окно первого этажа бутылку с зажигательной смесью. К счастью, полыхнувшее пламя заметила уборщица, не успела даже сработать автоматическая сигнализация самой последней разработки какого-то Т.Е. Кэмпбелла. По счастливой же случайности, перебираясь обратно через ограждение, террорист, прыгая, подвернул ногу, и Демид, возглавлявший дежурную смену охраны, без проблем догнал хромого и доставил его пред мои очи.

Мне даже не пришлось прибегать к силовым методам допроса. Бедолага уже через три минуты заложил своих нанимателей, после чего мы сдали его на руки местной полиции. Заказчики все как один заявили, что никого не нанимали, что это наглый поклёп, да и оклемавшийся поджигатель пошёл на попятную, взяв всю вину на себя. У правосудия не нашлось аргументов для привлечения владельцев игорных заведений к уголовной ответственности. Однако аргументы у меня нашлись, и в одну тёмную ночь вспыхнули все четыре казино, о владельцах которых я услышал во время первого допроса. Казино горели хорошо, без шансов на восстановление, а законники снова не смогли ничего доказать. Таким образом, на какое-то время я оказался монополистом игорной

индустрии во всём Лас-Вегасе.

Тем временем я продолжал работать над расширением своей маленькой империи. Чтобы наши клиенты не сидели в отеле сиднем весь отведённый срок, отвлекаясь лишь на казино и концертный зал, я решил продумать логику туристических маршрутов. Всего в нескольких часах езды от Вегаса располагался Гранд-Каньон. К сожалению, самому побывать в своё время там не удалось, а мой приятель, большой любитель экстремального отдыха, с придыханием рассказывал о сплаве на надувных плотках по реке Колорадо и спуске в каньон на мулах. Да ещё и на параплане полетал, умудрившись нащёлкать фотки не только на земле, но и в воздухе. Показывал на экране своего компа виды Гранд-Каньона, так что я представляю красоту тех мест.

Уже сейчас он являлся национальным парком, где просто так не погуляешь, не заплатив мзду за билет. Вопрос с организацией двух туристических маршрутов пришлось решать с властями Аризоны. Один маршрут – экстремальный, для любителей острых ощущений, типа того, в котором принимал участие мой товарищ, второй – для обычных туристов, не желающих сильно напрягаться, но мечтающих насладиться видами.

По ходу дела я заглянул и в сам национальный парк, прогулялся в сопровождении проводника из местных индейцев племени хавасупай. Наснимал целую кучу цветных фотографий, которые украсили не только стены моего отеля, но и очередной рекламный проспект.

Организация нового вида отдыха много времени не заняла. В середине июня в сторону южной части Гранд-Каньона отправился первый автобус с отдыхающими, которым приспичило развеяться в диких местах. Естественно, вместе со мной: первый блин не должен получиться комом, поэтому я всё брал под свой непосредственный контроль.

Там нас ждали проводники из числа всё тех же индейцев, для которых сопровождение туристических групп и продажа сувениров оставались едва ли не единственным источником дохода. Один из них в будущем должен возглавлять группы, члены которых решат сплавиться через стремнины и пороги Колорадо. Надувные плоты были закуплены мной в количестве десяти штук, но, поскольку новые проспекты-буклеты только-только ушли по стране, в ближайший месяц вряд ли ожидалось появление в моём отеле любителей экстрима. Так что первая группа ограничилась пешеходным пятикилометровым

маршрутом со спуском к реке и осмотром открывающихся перед ними пейзажей. Поездка включала в себя ночёвку в небольшом уютном кемпинге, который я забронировал заранее. Утром же у моих подопечных появилась возможность встретить рассвет на краю каньона, а я ещё и поснимал его на цветную фотоплёнку. Пусть качество не такое, как на навороченном «никоне» или «кэноне» XXI века, но для этого времени вполне приличное.

Кстати, я не отказал себе в удовольствии полетать над каньоном... на параплане. Да-да, параплан – в американском варианте параглайдер – был пошит по моим эскизам всего за неделю. Я старался учитывать все специфические моменты, как то: наличие воздухозаборника, жёсткость, перепускные отверстия и прочая и прочая. Чертёж я набросал насколько мог точный, потому что в таком деле каждая мелочь играет важную роль. Как-никак на кону человеческая жизнь. Само собой, подстраховался и обычным парашютом, хотя по сравнению со своими потомками ранец выглядел на редкость громоздким. Так что если мне когда-нибудь приспичит полетать с винтом и моторчиком а-ля Карлсон, то придётся жертвовать парашютным ранцем.

Крыло, правда, ввиду отсутствия скайтекса и тем более гелверона с двойной силиконовой пропиткой, пришлось шить из перкаля и для вящей воздухопроницаемости пропитывать материал лаком. Но я надеялся, что мне этого хватит для более-менее приличного полёта.

Мои ожидания оправдались практически полностью. Пусть потяжелевшее крыло и не столь резво слушалось моих команд и пусть я ощущал его неповоротливость в воздухе, однако уже, казалось бы, забытое чувство свободного парения вернулось вновь, наполняя меня совершенно детским восторгом. Парил я минут пятнадцать, после чего приземлился на относительно пологий склон в паре сотен метров ниже того обрыва, с которого стартовал. Поднявшись обратно, я тут же был окружён моими туристами и прочими зеваками, успевавшими одновременно выражать восхищение и задавать вопросы. Когда ажиотаж немного схлынул, ко мне подошёл круглолицый, но при этом сухощавый мужчина лет пятидесяти, представившийся Доном Вангелиусом.

– Сэр, я давно интересуюсь лётным делом и парашютами, у меня даже есть небольшая фирма по их изготовлению. Однако такой парашют, как ваш, я вижу впервые. Как он называется?

Слово за слово, договорились до того, что я регистрирую патент на параглайдер, после чего заключаю с Вангелиусом эксклюзивный контракт, согласно которому я буду иметь десять процентов от стоимости с каждого проданного парагландера. В ближайшие несколько дней мы реализовали нашу задумку, и бизнесмен получил чертежи моего летательного устройства.

Ещё в ходе своих путешествий я выяснил, что на север в сторону Денвера идёт пустыня Красных Песков, а на юг, к Лос-Аламосу – Серебряные Пески. Тоже может заинтересовать туристов. Проехав до Санта-Фе, я сделал себе пометку насчёт городка Флагстафф, находящегося в окружении девственных гор, зимой покрытых снегами. Будут деньги и время, можно подумать над созданием горнолыжного курорта. Была мысль и о Колорадо, где в будущем этих курортов не счесть. Надо тоже обмозговать эту идею. А Санта-Фе оказался весьма милым местом, подкрашенным индейским колоритом. Но расстояние от Вегаса в тысячу миль как-то не очень способствовало прокладке туда туристических маршрутов.

Кроме всего прочего, меня точила мысль насчёт постройки ещё одного отеля. Но на это дело я пока не имел необходимой суммы. И без того приходилось вкладываться в кучу весьма затратных проектов. Однако если уж делать Лас-Вегас столицей мирового игорного бизнеса, то с моим непосредственным участием.

Все эти прожекты на фоне уже действующих отеля и радиостанции, а также приготовлений к открытию завода теле- и радиоаппаратуры меня порядком изматывали. Тут как раз ещё подъехали два спеца из немецкого «Общества беспроводного телеграфа», то бишь компании Telefunken – привет от Павла Михайловича. Я их сразу же озадачил разработкой более продвинутой версии телеприёмника, нежели последняя версия имеющегося в мире на тот момент. Заодно получил возможность лишний раз попрактиковаться в немецком языке, вспомнив детство в ГДР.

В этой бесконечной запарке, напоминавшей бег белки в колесе, я даже похудел на пару-тройку килограммов, тем более что и высыпаться толком не получалось. Ложась спать, я лихорадочно прокручивал в памяти, всё ли сделал сегодня, что собирался, и что мне ещё предстоит сделать. Такая каша в голове царила, что впору брать отпуск и ехать в какой-нибудь санаторий лечить подорванную психику.

Потому что в своём отеле при всём желании у меня отдохнуть не получилось бы.

А между тем на календаре уже было 21 июня. Весь следующий день я с тревогой ждал новостей из Европы, однако ни 22-го, ни 23-го немцы не нарушали государственную границу СССР. Нарушили они её на рассвете 29 июня.

Глава 4

Известие о начале агрессии я запил добрым стаканом русской водки. Даже не стал закусывать предварительно запасённым малосольным огурчиком. Русская кухня тоже имела место быть в моём отеле, как и кухни других народов мира. Хотя, безусловно, большинство постояльцев отдавало предпочтение привычной для них еде, в которой на первом месте стояли калории.

Итак, то, что должно было произойти, произошло. Я тут же принялся составлять речь для работавшего сегодня радиоведущим Энди Маковски. Постарался, чтобы звучало не очень пафосно, а больше по делу, хотя начало всё же должно сразу цеплять за живое.

«Граждане Америки! Сегодня рано утром армия Гитлера без объявления войны вероломно напала на дружественный Соединённым Штатам Советский Союз. Были подвергнуты бомбардировке мирные города, в том числе столица Украины Киев. Тысячи ни в чём не повинных людей, среди которых женщины, старики и дети, стали жертвами немотивированной агрессии...»

В общем, несколько абзацев в таком же духе, после чего я призвал американцев сплотиться и оказать братскому народу СССР посильную помощь. Конечно, не будучи президентом и даже каким-нибудь занюханным сенатором, мой радиоведущий не имел права открыто призывать к военному вмешательству в конфликте двух стран, однако никто не мог запретить ему объявить о начале сбора гуманитарной помощи для советских граждан. Ну а что, я-то, конечно, со своей стороны могу наскрести деньжат на теплоход, набитый консервами или новомодными джипами, отправив его к советским берегам. Лучше бы, само собой, с оружием, да только где найти его столько, при этом проведя операцию втайне от властей...

Естественно, мой теплоход – это капля в море. Больше я вряд ли потяну, мне на свои проекты деньги нужны. Звучит, конечно, несколько гадко, но много ли будет пользы, если я плюну на своё будущее, продам до кучи отель и отправлю не один, а десять или двадцать теплоходов с гуманитарной помощью? На фоне такого глобального конфликта – это ничто. А вот если наш призыв поддержит хотя бы десятая часть жителей страны... Хотя ещё неизвестно, сколько радиослушателей настроены на волну нашего радио.

Другое дело – Голливуд. Но его подключать резонно в декабре этого года. Если в этом варианте истории ничего не изменится, то именно где-то в начале зимы японцы нападут на тихоокеанскую базу янки Пёрл-Харбор, что и заставит американцев вступить во Вторую мировую.

Никого насчёт этой акции императорского флота Японии я предупреждать не собирался. Конечно, жаль простых американских парней, но сакральная жертва должна быть принесена, иначе ещё неизвестно, решатся ли Соединённые Штаты втянуться в эту потасовку. Так что японцам даже можно сказать спасибо... Хм, простите меня, будущие американские покойники.

Зато после этого можно сразу запустить акцию с участием звёзд Голливуда. Пусть ездят по Штатам, агитируют за поддержку СССР, за разгром Японии и фашистской Германии, заодно можно снять пропагандистский ролик для демонстрации в кинотеатрах перед сеансами. Не мудрствуя лукаво, я даже заранее уселся за написание сценария к подобного рода киножурналам. Да и аниматоров подключить. Трёхминутный мультик перед киносеансом вполне может настроить зрителя на соответствующий лад.

Отель «Фламинго» распахнул свои двери в августе, и Вегас, ещё несколько лет назад ведший жизнь небольшого захолустного городка, стал настоящей столицей игорного бизнеса. Сюда приезжали не только американцы, но и иностранные туристы, желающие рискнуть за карточным столом, в рулетку или в «однорукого бандита». Клиентов хватало на всех, а мы с Лански провели встречу, во время которой обговорили возможности дальнейшего сотрудничества. Сигел к тому времени покоился в паре футов под землёй, будучи уличённым в воровстве крупных средств при строительстве отеля. Недаром мне его физиономия не внушила доверия ещё при первой встрече.

В общем, главным итогом нашей беседы стало то, что мы обязались не чинить друг другу препон и подписали своеобразный «Кодекс чести». Рыбы должно

хватить на всех рыбаков, и в такой ситуации гадить соседу было бы слишком глупо и опасно.

Между тем я озадачился выбором здания под будущую телекомпанию, которая должна получить название View To The Future, то есть «Взгляд в будущее». Аббревиатура в виде букво-цифр V2F видится весьма в духе будущего. Эти две буквы и цифра на заставке перед началом утреннего блока будут глядеться вполне прилично. Можно даже сочинить рекламный слоган типа такого: «Смотри нас сегодня – и получи представление о будущем», на английском соответственно Watch us today – get insight into the future.

Что же касается здания, то ничего вразумительного и достойного моим запросам в Вегасе не нашлось, кроме дома мэра, но тот вряд ли согласился бы покинуть свой красивый особнячок о двух этажах. В итоге я принял решение строиться сам, выкупив полгектара земли на окраине городка. Привлекать ту же компанию, что возводила мне отель, не стал, их услуги обходятся недёшево, а ограничился местными умельцами. К осени двухэтажное здание было готово, теперь предстояло оснастить его аппаратурой и нанять сотрудников. Решение этого вопроса изрядно истощило мой бюджет. Но оно того стоило! И к Рождеству штат был укомплектован, лицензия на вещание получена, дорогостоящая аппаратура закуплена и приведена в состояние боевой готовности номер 1. И именно на католическое Рождество 25 декабря японцы разбомбили Пёрл-Харбор. То ли специально подгадали, то ли так звёзды сошлись... Как бы там ни было, первый наш эфир рождественским утром, когда за окном было плюс пятнадцать, начался с печальной новости о более чем двух тысячах погибших американских солдат в Жемчужной гавани. Это не считая полутора тысяч раненых.

А спустя несколько дней войну Соединённым Штатам объявили Германия, Румыния, Венгрия и Болгария. Однако сами американцы пока ограничились военными действиями против главного врага – японцев. Меня бы устроил вариант с открытием второго фронта в Европе, но туда янки носа пока совать не собирались.

Наша телекомпания вещала на всё Западное побережье США плюс около пятисот миль на восток. К тому времени большая часть зондов была заменена стационарными телевышками, которые я уже понемногу начал сдавать в аренду, в частности, радиостанциям из Лос-Анджелеса, Финикса и Карсон-Сити. Впрочем, как я догадывался, основная аудитория радиослушателей всё равно предпочитала нашу компанию.

В Вегасе к тому времени было около двух десятков телеприёмников чёрно-белого изображения, и один из них стоял в фойе моего отеля. Это уже была наша собственная разработка, оснащённая экраном в 21 дюйм, не то что телеприёмник RCA с пятидюймовым экранчиком, считай, смартфон из моего времени. Я сразу поставил своим инженерам задачу: не мелочиться, телезритель не должен напрягать глаза, пялясь в экран. Вот они и постарались. Особенно немецкие инженеры, которые без энтузиазма восприняли новость о нападении Германии на СССР. Они прекрасно знали, что я русский, поэтому могли ожидать от меня любой реакции. Но я в общении с ними эту тему вообще старался не поднимать, озадачив инженеров вопросами исключительно технического порядка.

Телевизоры создавались под новый стандарт разложения в 441 строку, то есть чересстрочный стандарт RCA (60 полукадров в секунду). Маловато, конечно, по меркам будущего, аналоговое телевизионное вещание в моё время, насколько я помнил, было 625 строк. Но по нынешним временам, когда людям просто не с чем сравнивать, и это считалось за счастье.

Помимо Вегаса и Невады телеприёмники реализовывались по всей стране, но большую часть закупали специализированные магазины штатов Калифорния, Юта и Аризона, где наш сигнал ловился стабильно. В Айдахо и Орегоне на севере он был уже слабее, равно как в Колорадо и Нью-Мексико на востоке и юго-востоке. Я лично мотался в Карсон-Сити, чтобы проверить, как там ловится телесигнал с недавно установленной телевышки. Телевизор стоял у губернатора в кабинете, ловил не очень хорошо, с рябью. Но после того, как я выбрался на крышу и там поэкспериментировал с антенной, картинка стала намного чётче. В дальнейшем надо озадачиться созданием кабельного TV, чтобы не зависеть от разных посторонних факторов типа сильного ветра или грозы с молниями. А пока в ближайших планах была установка телевышек на восток, вплоть до Нью-Йорка. Этот мегаполис с многомиллионной телеаудиторией был мне жизненно необходим.

Над эфирным наполнением я с группой нанятых сотрудников работал более тщательно, нежели когда-то над сеткой вещания радиостанции. Но по многим параметрам программы имели тесные точки соприкосновения. Тот же утренний информационно-развлекательный блок и новости каждые три часа (к сожалению, пока без прямых включений с места событий и минимумом сюжетов). Дневное время заполнялось сериалом для домохозяек, первые десять серий которого были заранее отсняты на студии «Уорнер Бразерс». Сериал так и

назывался – «Американская домохозяйка». Это название я позаимствовал у одного из сериалов будущего, который толком ни разу не смотрел, но название почему-то запомнил. Наш скетчком рассказывал о жизни некоей Джинджер Саймон, которая была верной супругой мужу и заботливой матерью троих детей, однако при этом то и дело попадала в различные смешные ситуации. Серьёзное внимание по моему требованию уделялось проработке разговоров. Я настаивал, чтобы в них было больше юмора, чтобы зрители смеялись не только над ситуациями, но и над диалогами. Всё действие снималось в павильоне, изображавшем внутренние покои якобы частного дома в пригороде Нью-Йорка, хотя на заставке на фоне названия сериала неизменно фигурировал фасад этого самого скромного домика. Свежую плёнку с только что отснятой серией привозили на мою телекомпанию, я её отсматривал и решал, давать добро или завернуть обратно с рекламациями. Повод покритиковать подвернулся лишь однажды, когда мне не понравилась грубая шутка о евреях и немецких концлагерях. Этот кадр мы попросту вырезали, и я предупредил сценаристов, чтобы подобного больше не повторялось, иначе последуют жёсткие санкции.

Первые серии были с восторгом приняты телезрителями – я не поленился создать службу мониторинга пристрастий телеаудитории. А на студии резво трудились над продолжением, благо в сценаристах числились сразу несколько человек. В этом деле скорость была превыше всего. Но желательно не в ущерб качеству.

В плане запуска телесериалов мы оказались первопроходцами не только в США, но, наверное, и в мире[7 - Пионером в этом направлении стал ситком «Голдберги», появившийся на американском телевидении в 1949 г. До этого он выходил как радиопостановка.]. Неудивительно, что снимать их толком ещё никто не умел, и мне пришлось торчать на студии безвылазно чуть ли не неделю, выстраивая съёмочный процесс и объясняя специфику сериального кино. Благо Джек Уорнер оказался на моей стороне, помогал всем, чем мог. Матёрый бизнесмен явно почувствовал, что за телесериалами будущее, и пытался сразу урвать свой кусок пирога.

Не теряя времени даром, я связался с продюсером и автором радиопостановки «Голдберги» Гертрудой Берг, урождённой Тилли Эделынтейн, и за хорошую мзду она согласилась не только писать сценарий и стать режиссёром ситкома, но и прорвалась в исполнительницы главной роли, заявив, что главную героиню списывала с себя.

Показывали мы и обычные кинофильмы, но в основном двух- или трёхлетней давности, то есть те, которые уже закончили свой прокатный путь. Хотя на приобретение прав таких картин, как «Месть подаётся холодной» и «Унесённые ветром» я всё же разорился. Да-да, пришлось у студии братьев Уорнер выкупать права для телепоказа моего же фильма, хотя и со значительной скидкой, как своему, и тем более режиссёру.

В субботу вечером после информационной программы Time эфир заполняла музыкальная передача «Субботним вечером», напоминавшая некий аналог музыкальных проектов будущего, в частности программу «А», выходившую в 1990-е на российских телеканалах, преимущественно на второй кнопке. Один ведущий и специально приглашённые исполнители, в том числе и гостившие в нашем отеле, если они, конечно, не были против выступить. Среди тех, кого мы пригласили, оказался и джаз-оркестр Томми Дорси, в составе которого пел молодой исполнитель Фрэнк Синатра. То есть сначала-то я искал именно его, а когда мне сказали, что этот юноша поёт у Дорси, то принял решение пригласить весь коллектив. Улучив момент, я отвёл Синатру в сторону и поинтересовался, почему он не выступает сольно, и услышал в ответ, что у него с Дорси заключён пожизненный контракт. Значит, всё верно, как я и подозревал, история Джонни Фонтейна из фильма Копполы живо перекликалась с биографией уроженца Сицилии Фрэнка Синатры. Если следовать сюжету, выходило, что от кабального контракта певца освободит именно мафия. А почему бы мне не попробовать? Правда, пока Синатра не был достаточно известен вне коллектива, его звезда, я так подозревал, должна была взойти чуть позже. А если я сейчас его выкуплю, станет ли он тем, кем должен стать? Поэтому, подумав, я решил пока не дёргаться.

Также в сетку вещания вошла еженедельная передача «Заглядывая вперёд», что перекликалось с названием моей телекомпании. Обзоры, аналитика, интервью с приглашением специалистов в разных областях – от искусствоведов до военных. Мечталось, само собой, и о прямых спортивных телетрансляциях, но наши технические возможности этому явно не способствовали. Но когда мы всё же в записи прокрутили киноплёнку финальной схватки мировой серии по бейсболу между «Нью-Йорк Янкиз» и «Бруклин Доджерс», наш рейтинг взлетел просто до небес. Казалось бы, результат давно известен из радио и газет, но миллионы американцев мечтали увидеть это действие своими глазами. И мы их ожиданий не обманули.

При этом мы не забывали вставлять между программами рекламные блоки. Для поиска рекламы был создан целый отдел, обзванивавший потенциальных клиентов, а если надо, то сотрудники выезжали к ним лично, не считаясь с расстоянием, если, конечно, овчинка стоила выделки.

Именитые постояльцы Grand Palace гостили теперь не только на радио, но и в студии телепрограммы «Откровенный разговор», где тоже на стенах появились их портреты. Среди них, например, был Эрнест Хемингуэй. Само собой, писатель рассказал о своём творчестве, о литературе в целом, но также и о том, как на своём катере у берегов Кубы охотится за немецкими подводными лодками.

Кстати, Хемингуэй приехал не в казино играть, благо на Кубе с этим делом было проще, а на вечер бокса. Я всё-таки осуществил свою мечту затеять подобное мероприятие, договорившись с Майком Джекобе – промоутером Джо Луиса. В марте 1942 года в моём концертном зале состоялся матч-реванш за звание чемпиона мира между Луисом и Билли Конном. Хотя слово «реванш» тут мало подходило. В первом бою Луис победил нокаутом после двух ударов справа, но к моменту падения на канвас его оппонент лидировал по запискам у двух судей из трёх, да и третий выставил ничейный счёт. Спортивная общественность требовала повтор боя, чтобы выяснить, правда ли Конн так хорош, что, может, случайно пропустил удар, а в другой раз и сам отправит Луиса в нокаут. В андеркарте главного боя вечера для разогрева публики состоялось ещё четыре поединка с участием менее известных боксёров. Билеты на бокс стоили от сотни долларов, а первые два ряда и вовсе по пятьсот.

Помимо Хемингуэя в этот вечер хватало и других знаменитостей, и не только американских. Например, сам Уолт Дисней прибыл насладиться кровавой жатвой, второй визит в мой отель нанёс и Чарли Чаплин, на этот раз без супруги. Был и выходец из Латвии, а ныне известный фотограф Филипп Халсман, который совместил отдых с небольшой фотосессией с Джо Луисом перед его боем. Приехали звезда Голливуда Люсиль Болл со своим мужем, руководителем джаз-оркестра Дези Арназом, и другие, менее известные актеры и музыканты. Среди зрителей присутствовали даже Сальвадор Дали со своей женой и музой Галой! Той самой, что, как я выяснил у неё же во время одной из бесед, при рождении звалась Еленой Дьяконовой, а на свет появилась в Казани. Я знал, что Тала русская по рождению, а вот такие подробности услышал впервые. Так и не понял, что Дали в ней нашёл, на мой неискушённый взгляд ничего сверхъестественного в этой Гале не было.

Кстати, в том бою Луис одержал убедительную победу, отправив соперника в нокаут в седьмом раунде, и получил за победу 130 тысяч долларов. А вообще этот вечер получилось-таки свести в ноль, хотя изначально я был уверен, что уйду в минус. Случаются в жизни небольшие радости.

Зимой в мой отель наведлся не кто иной, как Говард Хьюз. Это имя я помнил ещё из прежней истории, что-то связанное с кинобизнесом и самолётами, кажется, ему был даже посвящён фильм «Авиатор» с Ди Каприо в главной роли, но картину я так и не посмотрел. Затем, уже возвращаясь в Голливуде, снова несколько раз слышал о Хьюзе, в частности от сценариста «Гладиатора» Бена Хекта. Тому в своё время довелось писать сценарий к гангстерскому боевику «Лицо со шрамом», продюсером которого как раз и выступил Говард Хьюз. По словам Хекта, делец показался ему парнем слегка не в себе, но при этом был чертовски богатым, по меркам Хекта, хотя, на мой взгляд, до Морганов, Ротшильдов и Рокфеллеров Хьюзу было ещё далеко.

Теперь же у меня появилась возможность лично пообщаться с эксцентричным миллионером. И уже через пять минут я пожалел, что позволил ему втянуть себя в этот разговор. Хьюз и впрямь оказался человеком не от мира сего. Он вполне здраво рассуждал о бизнесе, поделился своими прожеками, но в какой-то момент в его глазах промелькнула тень подозрительности, и он холодно процедил:

– Не нравится мне ваше лицо, мистер Бёрд! У меня такое подозрение, что вы комми.

Хм, ну, в эти годы клеймо коммуниста ещё не имело столь печальных последствий, как во времена послевоенной «охоты на ведьм». Тогда, если память не изменяет, с подачи сенатора Маккарти американцев научили во всех своих проблемах обвинять коммунистов. Но миллионер, похоже, уже сейчас готов был, выражаясь на фене, кинуть мне предьяву.

– Здесь вы, мистер Хьюз, промахнулись, – как можно вежливее улыбнулся я. – К коммунистам я не имею никакого отношения. Не знаю, с чего вы это взяли. И вообще, от политики я стараюсь держаться подальше, меня больше интересуют деньги.

Улыбаюсь, а самому хочется зарядить этому клоуну хуком справа, чтобы он месяц питался через трубочку. Впрочем, вполне возможно, Хьюз просто психически нездоров. Недаром он изводил прислугу отеля своими странными требованиями и придирками. К счастью, из отеля он свалил на три дня раньше запланированного, а то уже горничная, подозреваю, вынашивала идею о суициде, скручивая из полотенец верёвку с петлёй на конце.

Но вернёмся к нашим баранам, то бишь проектам. С переносными радиостанциями дело тоже продвигалось вполне неплохо. «Моторола» представила свою весьма компактную SCR-536, а мы в ответ выдали на рынок чуть более компактную версию, двухкилограммовую WT-1. То есть Walkie Talkie, модель номер 1. Правда, «Моторола» ещё в 1940-м получила правительственный заказ, а я начал изготавливать рации на свой страх и риск и всё равно преуспел, потому что покупателей на наше изделие хватало. При этом мощность аккумулятора была такая же, как на аппарате конкурентов, равно как и дальность связи. Рация работала на одном из 50 каналов в пределах диапазона частот 3,5–6,0 МГц. Причём частота была установлена на заводе, а изменить её можно было только путём замены отдельных деталей. Дальность действия составляла до 1,6 км над землёй или до 4,8 км над океаном. А в итоге всё закончилось тем, что на фабрику наведалься представитель военного ведомства, и мы заключили контракт на поставку для американской армии пяти тысяч экземпляров нашей рации. «Моторола» просто-напросто утёрлась, хотя неустойку от военных и получила.

Вообще я ещё осенью задумался над тем, что мне необходим помощник. Такой, как Адам Миллер у Джека Уорнера. Чтобы всё схватывал на лету, не задавал лишних вопросов и разбирался в тех, которые интересовали меня. Пусть даже по верхам, но не выглядел бы полным профаном. И такой человек нашёлся! Звали его Саймон Стетсон, он являлся потомком какой-то ветви того самого Стетсона, который изобрёл знаменитую ковбойскую шляпу. Однако, в отличие от предка, Саймона увлекли не шляпы, а радиотехника. И на этом поприще он достиг неплохих успехов, в итоге оказавшись управляющим моего заводика, выпускающего теле- и радиоприёмники. Помимо тяги к радиотехнике Стетсон неплохо разбирался в разных областях жизни и бизнеса. Вначале я это отметил во время проведения традиционных планёрок по утрам в понедельник, а затем во время всё более частого общения наедине, когда в разговоре мы затрагивали самые разные темы. Некоторые его советы мнегодились, и, когда я предложил Стетсону стать моим помощником, он, немного подумав, дал согласие. Таким образом, отныне у меня под рукой постоянно находился как технически грамотный специалист, так и в целом весьма шустрый молодой

человек (ему было чуть за тридцать). Не сказать, что я мог положиться на него, как на самого себя, но он вполне мог выполнять какие-то мелкие поручения, тем самым избавив меня от лишних энергозатрат и потерь времени. А в директорское кресло вместо Стетсона на ту же зарплату сел Фило Фарнсуорт, который своё новое назначение воспринял весьма спокойно и сразу же принялся за работу.

Разумеется, я почти ежедневно знакомился с новостями, приходящими с Восточного фронта. В отличие от немецкой и советской пропаганды американская давала точную информацию, без прикрас в ту или иную сторону. Так вот, на весну 1942 года ожесточённые бои проходили по линии Ленинград – Псков – Смоленск – Брянск – Курск – Белгород – Ворошиловград – Ростов-на-Дону... Кавказ был пока ещё наш. Ленинград находился в блокаде, но большую часть гражданского населения из города вывезли заблаговременно. Оставшиеся особого голода не испытывали благодаря вовремя заполненным продовольствием складам. Транспортная магистраль, как и в моей истории, проходила по воде или льду Ладожского озера, в зависимости от времени года. Дорога жизни таковой оставалась и на этот раз. Крым к весне немцы так и не смогли взять, положив на Перекопском перешейке две пехотные дивизии. Соответственно, Севастополь, битва за который вошла в анналы истории, оставался нашим и, вполне возможно, таковым и останется.

В марте я впервые услышал о том, что русская армия вооружается новой, весьма перспективной системой автоматического оружия. Лишний раз задействовать канал связи с сотрудником внешней разведки я не стал, не настолько это был жизненно важный для меня вопрос. Но, похоже, мои чертежи не пропали даром.

Из американской прессы я узнал, что к началу 1942 года вооружённые силы США насчитывали свыше 2 миллионов 100 тысяч человек. К сентябрю 1941-го Англия, оправившись от поражения под Дюнкерком, имела в сухопутных войсках свыше 3 миллионов 291 тысячи солдат плюс в военно-воздушных силах было 750 тысяч человек и 500 тысяч во флоте. Военный обозреватель «Вашингтон пост» утверждал, что объединённые военно-воздушные силы Англии и США могли прикрыть высадку англо-американского десанта на побережье Франции. Соответственно, английский и американский флот был способен обеспечить высадку на континенте от 60 до 100 дивизий.

«Всё это очень помогло бы русским, которым приходится сдерживать натиск 75 процентов войск фашистской Германии, – писал обозреватель. – Однако

Черчилль союзником Советов остаётся только на словах, да и наш президент не слишком взывает к совести британского премьер-министра. Видимо, оба понимают, что от ослабления Германии и Советского Союза выиграют Англия и Соединённые Штаты».

Хм, всё верно, не помешало бы побольше таких статей, чтобы народ проникся идеей «второго фронта». Я со своей стороны продолжал долбить умы американцев с помощью своих СМИ. Помимо прочего, я выкупил местную газетёнку «Лас-Вегас Сан», которая теперь также проводила политику открытия «второго фронта» и всяческой помощи русским. В общем, палился как мог, не в силах остановиться.

И не зря, следует признать, потому что в марте был сформирован первый караван с гуманитарной помощью для СССР. Ну как караван... Три сухогруза, забитые армейскими сухпайками. На них отправили и два десятка джипов Willys MB. Они значились как «автомобили общего назначения». В латинице аббревиатура фордовской марки выглядела как Ford GPW, и именно из-за букв GP их и стали называть джипами. Что касается сухпайков, то их содержимое я утверждал лично. Каждый паёк включал в себя банку говяжьей тушёнки и банку консервированных овощей, 250-граммовую пачку галет, упаковку сахара-рафинада, сухофрукты, пакетик соли и 25-граммовый пакетик кофе. Подумав, я решил включить ещё и небольшую, 50-граммовую, плитку шоколада, пусть нашим бойцам жизнь на передовой покажется чуть слаще.

Один из сухогрузов был упакован полностью на мои средства, два остальных – на средства, перечисленные рядовыми американцами на созданный мной благотворительный счёт. И поступления шли ежедневно, так что я уже задумывался о формировании следующего, более крупного каравана.

Выбить приличный линкор в качестве сопровождения я так и не смог. ВМФ США соизволил выделить для конвоя всего лишь небольшой миноносец, на вид будто списанный, и я подозревал, что по причине ветхости он может затонуть на середине маршрута. Помимо того, все сухогрузы были оснащены зенитной пушкой и пулемётами, не считая армейских карабинов и прочей мелочи. Однако, учитывая господство Германии в Атлантике, всё это было сплошной декорацией, и я про себя молил Бога, чтобы немецкие подводные лодки или штурмовики не потопили наши суда. Поэтому мы с представителем военно-морского ведомства согласовали маршрут от Нью-Йорка, где формировался караван, на север вдоль канадского побережья через Сен-Пьер и потом долгий переход напрямик до

Абердина. Там небольшая остановка, и далее в обход норвежского берега в порт Мурманска. Там разгрузка – и обратно порожняком. О конвое официальным образом заранее было оповещено советское консульство в Нью-Йорке, что вылилось в благодарственную телеграмму на имя американского президента Франклина Делано Рузвельта за подписью товарища Сталина. В ней же, если верить газетам, генералиссимус выражал надежду, что доблестный американский народ и впредь будет оказывать всемерную помощь стране, в одиночку сдерживающую фашистскую гидру. То есть между строк явственно проскальзывал намёк, что не мешало бы уже и второй фронт открыть, а не ограничиваться лишь гуманитарной помощью.

Я лично присутствовал на отплытии каравана, не мог пропустить такое важное событие, доверив его Стетсону. Саймона я оставил на хозяйстве, присматривать за моими делами в Вегасе. Провожая взглядом отплывающие суда, я едва сдержал навёртывавшиеся на глаза слёзы. Что-то сентиментальным становлюсь к старости, не хватало только платочком помахать в приливе чувств.

Обратно в Вегас я возвращался самолётом до Лос-Анджелеса и оттуда уже поездом, весь в думах, увижусь ли когда-нибудь с Варей или пора заканчивать с душевными терзаниями, найдя себе новый объект для обожания. Будучи половозрелым самцом, я позволял себе периодически вступать в интимную связь с представительницами лучшей половины человечества. Например, пользовал улыбчивую Филумену, когда она освобождалась из своей пиццерии. Девица оказалась в постели просто огонь, при этом была уже не девочкой, что для итальянки, которая до замужества обычно хранит верность, выглядело странно. Как бы там ни было, мы оба понимали, что эта связь нас ни к чему не обязывает, а посему просто брали каждый друг от друга всё, чтобы чувствовать себя удовлетворёнными. Ещё более удовлетворённой Филумена себя чувствовала, когда я презентовал ей какую-нибудь мелочь типа золотого колечка с маленьким бриллиантом. Женщины одинаковы во все времена!

Конечно, я следил и за тем, как растёт мой отпрыск. Ещё несколько раз инкогнито появлялся в окрестностях ранчо, на котором проходило взросление сына. Летом 1941-го Кэрл и Кларк с Люком вместе перебрались на Голливудские холмы, потому что мальчишке нужна была нянька, поскольку маме и липовому папе приспичило снова сниматься в кино, да и друзья парню не помешали бы. Негоже расти в изоляции от ровесников, которые вон уже вовсю ковыряют совочком в песочнице. Глядя в бинокль или из-за кустов на сына, я всё более убеждался, что он – вылитый я в детстве. Не знаю, как будет дальше, а на

месте Кларка я уже задумался бы, почему Люк на него и даже на супругу не очень смахивает.

В апреле я приступил к возведению кинотеатра на тысячу мест. Там можно было показывать и стереоскопические фильмы, благо стереокино в американском кинематографе не являлось чем-то экзотическим. Надел анаглифические очки с разноцветными линзами – и смотри себе вполне 3D-кино. Другое дело, что в стереоизображении снималось крайне мало картин, практически единицы. Audioscopiks и The New Audioscopiks были сняты один за другим несколько лет назад, а последним был фильм прошлого года «Убийство в трёх измерениях». Но лично меня всегда привлекало объёмное изображение, уверен, как и большинство зрителей. Хотя, понятно, в моём кинотеатре в подавляющем большинстве будут идти обычные фильмы.

Похоже, пора было создавать свой герб и девиз, который звучал бы как «Ни месяца без нового проекта!». Потому что в мае я занялся строительством аэродрома. В самом деле, пора было наладить воздушное сообщение Вегаса хотя бы с соседними штатами, потому что пока сюда люди могли попасть лишь поездом или автомобильным транспортом. Прикинул по финансам, получалось – в обрез. Поговорил с Лански, тот – со своими подельниками, и вскоре было получено добро на совместное финансирование проекта при условии, что я владею контрольным пакетом акций. В течение месяца на окраине Лас-Вегаса появились двухкилометровая взлётно-посадочная полоса и здание аэровокзала. Понятно, не Шереметьево-2, но и не сарай. Помещение с большими застеклёнными окнами было оборудовано залом ожидания, баром, газетным киоском, туалетами и даже курительной комнатой, потому что дымить в помещении аэровокзала было строжайше запрещено. А в углу зала ожидания стоял телеприёмник нашего производства, настроенный на волну нашей же телекомпании, так что скучать в ожидании своего рейса пассажиры точно не будут.

Аэропорт прошёл приёмку в федеральном ведомстве, и 10 июня готов был принять первые самолёты. Вот только мы эти самолёты не ждали, по крайней мере в ближайшее время.

Тут не помешала бы собственная авиакомпания, но я уже был ограничен в средствах. Ни на покупку самолётов, ни тем более на их постройку я наскрести не мог при всём желании, а от кредиторов я всегда старался держаться подальше ещё в той жизни. А как было бы неплохо запустить ещё и заводик по

постройке самолётов, а заодно привлечь Сикорского – пусть воплощает в жизнь свои самые безумные идеи вплоть до вертолётов. Но деньги, чтоб их, деньги... Да и Лански заявил, что на самолёты они не подписывались, тут уж мне самому предстояло выкручиваться.

Так что для начала я озадачил Стетсона, попросив его связаться с American Airlines и пробить регулярное авиасообщение с Лас-Вегасом. Это должно было стать для моего помощника своего рода боевым крещением. Тот вернулся, излучая оптимизм:

– Босс, они хоть и говорят, что у них половину воздушного флота экспроприировали на нужды армии, но я уверен, в компании понимают всю выгоду от такого сотрудничества. Как-никак поток туристов в наши края растёт из месяца в месяц, и многие согласились бы летать на самолётах.

Через неделю в Вегасе появилась группа специалистов из American Airlines во главе с управляющим компанией Сайрусом Роулеттом Смитом. Они с дотошностью исследовали едва ли не каждый сантиметр аэровокзала и ВПП, после чего мы с Сайрусом поставили свои подписи под контрактом, скрепив договор крепким рукопожатием. Спустя три дня поутру аэропорт «Лас-Вегас» принял первый DC-3 из открытого пару лет назад нью-йоркского аэропорта Ла-Гардиа с тремя десятками пассажиров на борту. Встречали их с оркестром и цветами, каждому вручив на память сувенир в виде увеличенной в размерах деревянной фишки с изображением на одной стороне моего отеля, а на другой – отеля «Фламинго». Тем же вечером самолёт улетел обратно, а уже неделю спустя наш аэропорт принимал ежедневно пять рейсов: два из Нью-Йорка, по одному из Лос-Анджелеса, Сан-Франциско и Вашингтона. «Лас-Вегас» начал понемногу приносить прибыль мне и мафии в лице Мейера Лански.

Тут ещё поступил кэш от компании Вангелиуса, реализовавшей большую партию параглайдеров. Причём это был военный заказ. Армейские быстро оценили преимущества параглайдеров перед обычными парашютами и шустро принялись обучать своих десантников азам управления этим летательным аппаратом. А я, не будь дураком, ещё в прошлом году чертежи параплана вместе с фотографией меня же, парящего в воздухе, переправил через нашего резидента в СССР. На фото моё лицо разглядеть не представлялось возможным, зато можно было получить представление, что такое параплан. На всякий случай приписал, мол, пошарьтесь в закромах НКВД, может, ещё жив тот параплан, с которым я выпрыгнул в будущем, а приземлился в 1937-м. По такому образцу шить намного

легче, чем по сделанным от руки чертежам.

Подсуетился я и с агитационным роликом-хронометражем в три минуты. Сценарий сам писал, а режиссёром выступил дважды оscarоносный Фрэнк Борзедж. По сюжету, сначала немецкие бомбардировщики с крестами на фюзеляжах бомбят город. Идут титры: «Люфтваффе бомбит мирный Киев. Под бомбами фашистов гибнут ни в чём не повинные люди». Видно испуганные лица женщин, детей, стариков... Одна женщина прижимает к себе запелёнутого в одеяло младенца, с ужасом глядя вверх, где сквозь клубы чёрного дыма виднеются проплывающие в небе силуэты немецких самолётов. Следующий кадр – мужественный американский солдат с винтовкой наперевес, позади него идёт военная техника, и ползут титры: «Готов ли ты, американский солдат, помочь русским братьям уничтожить фашистскую гидру?!»

На удивление, этот пропагандистский ролик без особых проблем прошёл приёмку федеральной комиссии, хотя я всерьёз опасался, что мы за такую агитацию получим по шапке. Но, видно, в комиссии собрались солидарные со мной люди. И на съёмки я не потратил ни цента, всё оплатил Уорнер, а это порядка 200 тысяч долларов. Вдобавок с большинством кинотеатров страны о бесплатных показах удалось легко договориться.

Тем временем мои рукастые сотрудники чуть ли не на коленке изготовили пару опытных образцов куклы Барби, причём лицо лепили по фотографии Вари. Затем я приобрёл патент на куклу, а Стетсону дал задание с одной из её копий объехать фабрики игрушек и предложить им массово выпускать Барби. С условием, что в пилотную партию я мог бы и сам вложиться, не такие уж это и огромные деньги. На предложение откликнулась компания из Нью-Джерси Has-senfeld Brothers, которую возглавляли братья Генри и Хелал Хассенфельд. Они согласились рискнуть при вложении средств 50 на 50. Стартовая партия должна была выйти тиражом в тысячу экземпляров. В начале июля на столе передо мной лежал первый заводской образец. Кукла была наряжена в синее платьице в белый горошек, с изящной шляпкой на голове, туфельки на небольшом каблучке... При этом куклу сделали таким образом, что она могла стоять как на каблучках, так и без них. Тем более что в комплекте прилагались и другие наряды с обувью, и даже собачка с поводком, которую Барби якобы теперь могла выгуливать.

Я подумал, неплохо было бы для того, чтобы нашей Барби не было скучно, где-то через полгода запустить в производство и Кена. Слепить его, например, можно

было бы с меня. Ну а что, как говорил голосом Василия Ливанова мультипликационный Карлсон: «Я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил!»

Но проект сможет получить развитие лишь при условии, что Барби будет нормально продаваться. Ведь далеко не всякий родитель сможет купить своей дочурке куклу стоимостью в три доллара, и это ещё без стоимости отдельно продающихся нарядов. А я ведь не собирался ограничиваться стандартной Барби в таком исполнении. В одну из своих турпоездки на Тайвань я посетил «Тайшаньский музей Барби», и теперь, вспоминая тот вояж, я думал, что Барби может стать бизнесвумен, медсестрой, учительницей, няней, балериной, певицей и даже какой-нибудь крановщицей. Вряд ли какая-либо Комиссия по нравственности, или как она там называется, разрешит изготовить беременную Барби, чтобы живот можно было отщёлкнуть, как крышку, а внутри увидеть скукоженного младенца. А так идея мне нравилась. Как бы там ни было, в дальнейшем можно подтянуть Барби-мулатку или вообще негритянку. Если, конечно, последние будут иметь спрос, учитывая, что цветное население США в подавляющем большинстве сегодня имеет крайне низкий уровень доходов.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Абакус, или абак – счётная доска, ведущая свою историю со времён Древней Греции. Чуть более продвинутые версии используются в счёте до сих пор.

Первой переносной рацией, прозванной Walkie-Talkie («ходилка-говорилка»), стал армейский приёмопередатчик Motorola SCR-300, носимый в рюкзаке. Эта модель была создана командой инженеров из Galvin Manufacturing Company (предшественник компании Motorola) в 1940 г. и весила 16 кг, так что в карман её не спрячешь.

Смерть великого иллюзиониста и впрямь получилась нелепой. Во время канадских гастролей в 1926 г. в гримёрку к Гудини вошли трое студентов, один из которых был чемпионом колледжа по боксу. Он спросил Гудини, действительно ли тот способен выдержать несколько сильных ударов в живот, ничего при этом не почувствовав. Гудини, погружённый в свои мысли, кивнул, и студент неожиданно нанёс артисту два или три удара. Гудини еле остановил его: «Подождите, мне надо подготовиться», после чего напряг пресс: «Вот, теперь можете бить». Студент ударил пару раз и на себе почувствовал железный брюшной пресс Гудини. Несколько дней иллюзионист не обращал внимания на боль, но эти удары спровоцировали разрыв аппендикса, в результате которого развился ставший смертельным для Гарри Гудини перитонит.

Первая звезда на Аллее славы с именем кинорежиссёра и продюсера Стэнли Крамера была заложена 28 марта 1960 г.

Улица появилась в 1939 г. и называлась улица Мосфильм по киностудии «Мосфильм», к которой она вела. В 1951 г. носила название улица Потылиха (по историческому району). Название Мосфильмовская было официально утверждено 25 января 1952 г.

6

Дэн Нобль – реальный персонаж, так же как и Galvin Manufacturing Company, которая в будущем будет переименована в компанию Motorola.

7

Пионером в этом направлении стал ситком «Голдберги», появившийся на американском телевидении в 1949 г. До этого он выходил как радиопостановка.

Купить: https://telnovel.com/marchenko_gennadiy/manuskript

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)